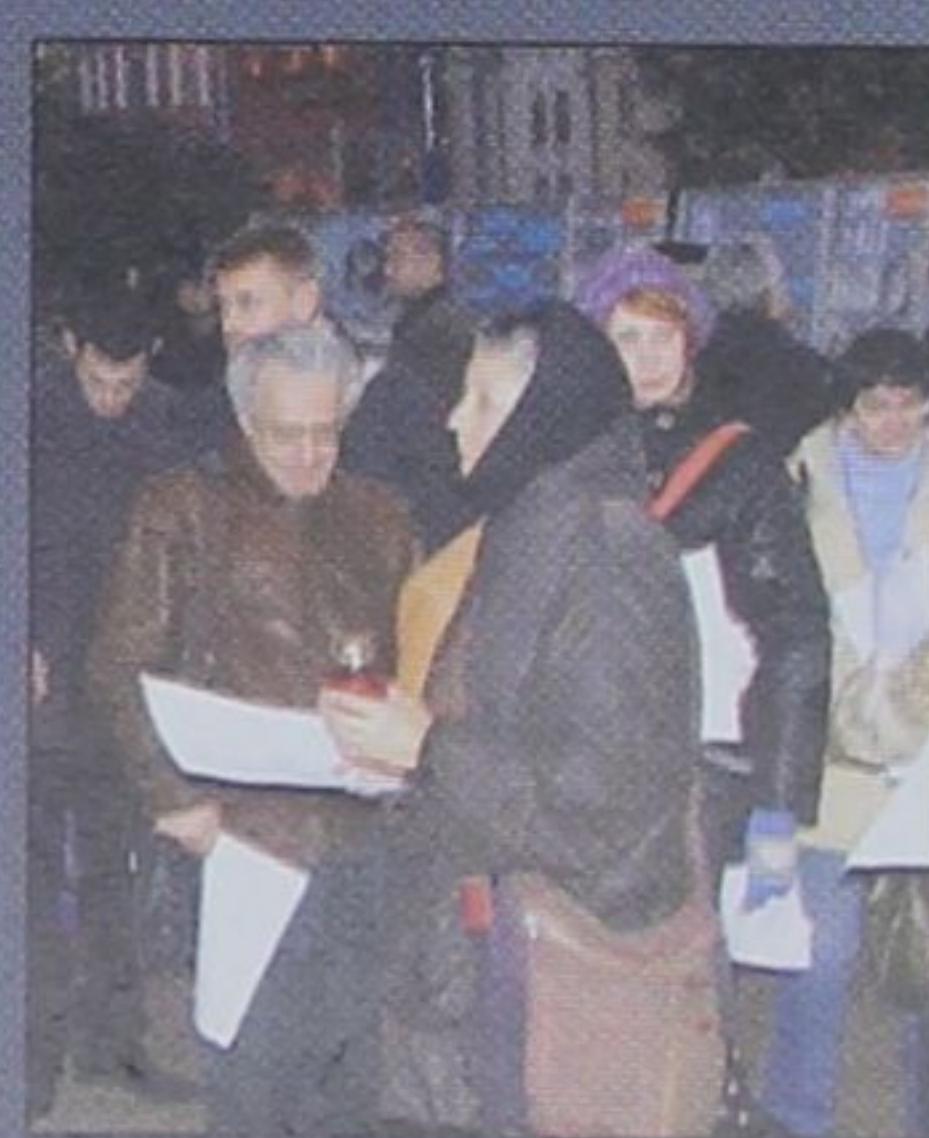
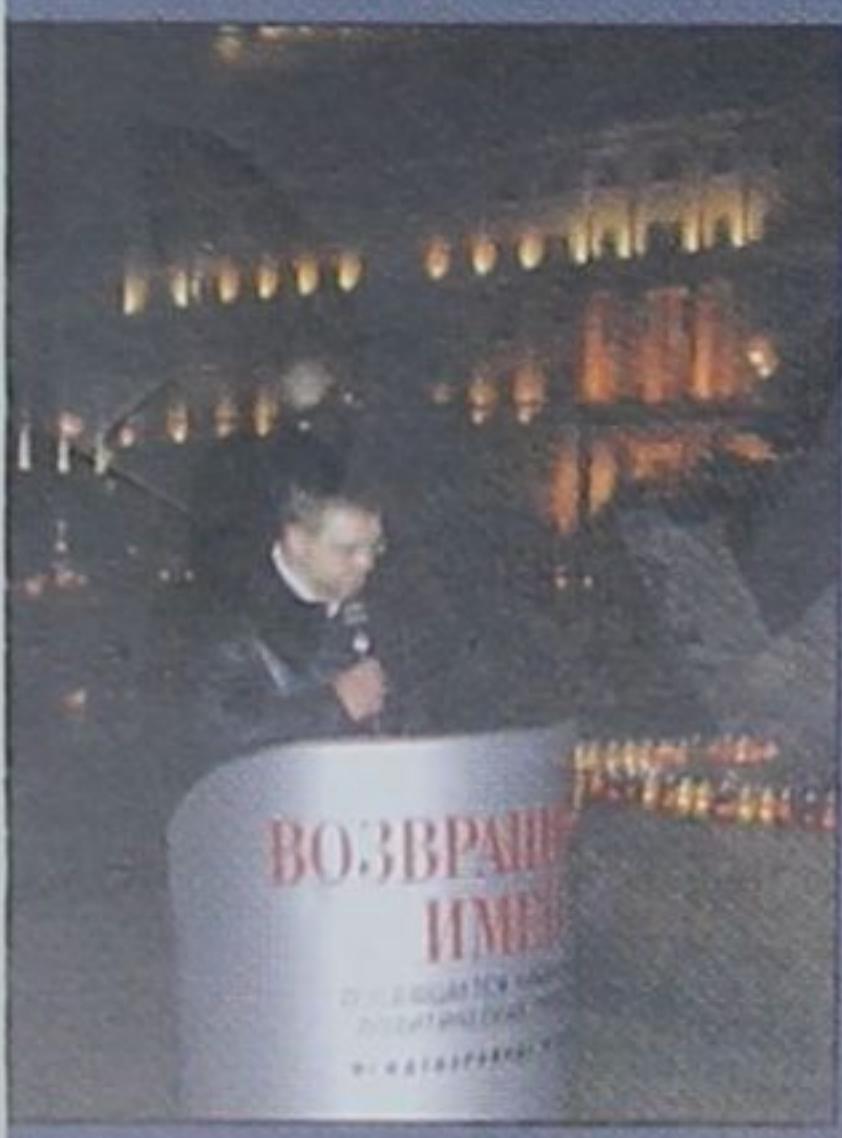

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «МЕМОРИАЛА»...

Заявления и другие тексты 2007–2010 годов

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное общество
«Мемориал»

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «МЕМОРИАЛА»...

**Заявления и другие тексты
2007–2010 годов**

Москва
2010

Международное историко-просветительское
благотворительное и правозащитное общество
«Мемориал»

Материалы к 8-й отчетно-перевыборной конференции
Международного историко-просветительского,
благотворительного и правозащитного общества
«Мемориал».

16–17 декабря 2010 года

Напечатано по решению Правления Общества

Согласно Уставу «Мемориала», одной из компетенций Правления является принятие заявлений от имени Общества. Настоящая брошюра представляет эту сторону деятельности Правления

В этой брошюре собраны тексты «Мемориала», увидевшие свет в период между отчетными конференциями.

Разумеется, текстов было гораздо больше. Мы не приводим здесь множество обращений Правления к федеральным и региональным властям по вопросам защиты социальных прав и повышению статуса жертв репрессий, по проблемам сохранения мест памяти, связанных с историей политического террора советской эпохи (захоронений расстрелянных, бывших тюрем), о создании Книг памяти жертв репрессий и об установке памятников и мемориальных досок. Не вошли сюда и множество заявлений и сообщений о нарушениях прав человека на Северном Кавказе и о положении беженцев, обращения в российские правоохранительные органы и в Европейский суд по правам человека. Совсем не представлены в этой брошюре тексты региональных организаций. И заявления Правления, посвященные сравнительно частным темам, мы также не стали включать (большинство этих текстов опубликованы в нашей газете «30 октября», перепечатывались в российских и зарубежных СМИ, размещены на нашем сайте).

Мы публикуем здесь только те заявления Правления Международного «Мемориала», которые, как нам кажется, имеют значение для выработки и понимания мемориальной идеологии.

Кроме заявлений мы решили включить в брошюру и несколько текстов, авторами которых обозначены отдельные члены Правления. Но фактически эти тексты также коллективные – они обсуждались Правлением или, во всяком случае, частью членов Правления, так что подписанное одним на деле есть результат размышлений многих.

Собранные вместе, эти тексты, написанные в разное время и по разным поводам, не только отражают мнения по отдельным конкретным вопросам, но и позволяют понять подход «Мемориала» к различным современным проблемам.

Правление 2007–2010 гг.

1937 ГОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

Тезисы Международного общества «Мемориал»

Семьдесят лет назад по решению высших партийных органов в СССР развернулась очередная кровавая «чистка», длившаяся почти два года. В исторической публицистике эта репрессивная кампания нередко именуется Большим террором; в народе же ее называют просто – «Тридцать Седьмой».

Коммунистическая диктатура всегда – и до, и после 1937 года – сопровождалась политическими репрессиями. Однако именно Тридцать Седьмой стал в памяти людей зловещим символом системы массовых убийств, организуемых и проводимых государственной властью. По-видимому, это случилось из-за того, что Большому террору были присущи некоторые из ряда вон выходящие черты, предопределившие его особое место в истории и то огромное влияние, которое он оказал – и продолжает оказывать – на судьбы нашей страны.

Тридцать Седьмой – это **гигантский масштаб репрессий**, охвативших все регионы и все без исключения слои общества – от высшего руководства страны до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 1937–1938 по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 миллиона человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных переваливает за два миллиона.

Это **невероятная жестокость приговоров**: более 700 тысяч арестованных были казнены.

Это **беспрецедентная плановость** террористических «спецопераций». Вся кампания была тщательно продумана заранее высшим политическим руководством СССР и проходила под его постоянным контролем. В секретных приказах НКВД определялись сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежащие «чистке», а также «лимиты» – плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону. Любые изменения, любые «инициативы снизу» должны были согласовываться с Москвой и получать ее одобрение.

Но для основной массы населения, незнакомой с содержанием приказов, логика арестов казалась загадочной и необъяснимой, не вяжущейся со здравым смыслом. В глазах современников Большой террор выглядел **гигантской лотереей**. Почти мистическая непостижимость происходящего наводила особенный ужас и порождала у миллионов людей неуверенность в собственной судьбе.

Репрессии основательно затронули, в частности, представителей новых советских элит – политической, военной, хозяйственной. Расправа с людьми, имена которых были известны всей стране (именно о них в первую очередь сообщали газеты) и в лояльности которых не было никаких причин сомневаться, увеличивала панику и усугубляла массовый психоз. Впоследствии даже родился миф о том, что Большой террор будто бы был направлен исключительно против старых большевиков и партийно-государственной верхушки. На самом деле подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были простыми советскими гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежавшими.

Тридцать Седьмой – это **неизвестные мировой истории масштабы фальсификации обвинений**. В 1937–1938 вероятность ареста определялась главным образом принадлежностью к какой-либо категории населения, указанной в одном из «оперативных приказов» НКВД, или связями – служебными, родственными, дружескими – с людьми, арестованными ранее. Формулирование индивидуальной «вины» было заботой следователей. Поэтому сотням и сотням тысяч арестованных предъявлялись фантастические обвинения в «контрреволюционных заговорах», «шпионаже», «подготовке к террористическим актам», «диверсиях» и т.п.

Тридцать Седьмой – это **возрождение в XX веке норм средневекового инквизиционного процесса**, со всей его традиционной атрибутикой: заочностью (в подавляющем большинстве случаев) квазисудебной процедуры, отсутствием защиты, фактическим объединением в рамках одного ведомства ролей следователя, обвинителя, судьи и палача. Вновь, как во времена инквизиции, главным доказательством стало ритуальное **«признание своей вины»** самим подследственным. Стремление добиться такого признания, в сочетании с произвольностью и фантастичностью обвинений, привели к **массовому применению**

пыток; летом 1937-го **пытки были официально санкционированы** и рекомендованы как метод ведения следствия.

Тридцать Седьмой – это **чрезвычайный и закрытый характер судопроизводства**. Это тайна, окутавшая отправление «правосудия», это непроницаемая секретность вокруг расстрельных полигонов и мест захоронений казненных. Это систематическая многолетняя **официальная ложь** о судьбах расстрелянных: сначала – о мифических «лагерях без права переписки», затем – о кончине, наступившей будто бы от болезни, с указанием фальшивых даты и места смерти.

Тридцать Седьмой – это **круговая порука**, которой сталинское руководство старалось повязать весь народ. По всей стране проходили собрания, на которых людей заставляли бурно аплодировать публичной лжи о разоблаченных и обезвреженных «врагах народа». Детей вынуждали отрекаться от арестованных родителей, жен – от мужей.

Это миллионы разбитых семей. Это зловещая аббревиатура «**ЧСИР**» – «член семьи изменника Родины», которая сама по себе явила приговором к заключению в специальные лагеря для двадцати тысяч вдов, чьи мужья были казнены по решению Военной коллегии Верховного суда. Это сотни тысяч «сирот Тридцать Седьмого» – людей с украденным детством и изломанной юностью.

Это **окончательная девальвация ценности человеческой жизни и свободы**. Это культ чекизма, романтизация насилия, обожествление идола государства. Это эпоха полного смешения в народном сознании всех правовых понятий.

Наконец, Тридцать Седьмой – это **фантастическое сочетание вакханалии террора с безудержной пропагандистской кампанией**, восхваляющей самую совершенную в мире советскую демократию, самую демократическую в мире советскую Конституцию, великие свершения и трудовые подвиги советского народа. Именно в 1937 году окончательно сформировалась характерная черта советского общества – **двоемыслие**, следствие раздвоения реальности, навязанного пропагандой общественному и индивидуальному сознанию.

И сейчас, семьдесят лет спустя, в стереотипах общественной жизни и государственной политики России и других стран, воз-

никших на руинах СССР, явственно различимо пагубное влияние как самой катастрофы 1937–1938 годов, так и всей той системы государственного насилия, символом и квинтэссенцией которого стали эти годы. Эта катастрофа вошла в массовое и индивидуальное подсознание, покалечила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще от Российской империи, породила новые опасные комплексы.

Ощущение ничтожности человеческой жизни и свободы перед истуканом Власти – это непреодоленный опыт Большого террора.

Привычка к «управляемому правосудию», правоохранительные органы, подчиняющие свою деятельность не норме закона, а велениям начальства, – это очевидное наследие Большого террора.

Имитация демократического процесса при одновременном выхолащивании основных демократических институтций и открытом пренебрежении правами и свободами человека, нарушения Конституции, совершаемые под аккомпанемент клятв в незыблемой верности конституционному порядку, – это общественная модель, которая впервые была успешно опробована именно в период Большого террора.

Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к независимой общественной активности, непрекращающиеся попытки поставить ее под жесткий государственный контроль, – это тоже итог Большого террора, когда большевистский режим поставил последнюю точку в многолетней истории своей борьбы с гражданским обществом. К 1937 году все коллективные формы общественной жизни в СССР – культурной, научной, религиозной, социальной и т.п., не говоря уже о политической, – были уже ликвидированы или подменены имитациями, муляжами; после этого людей можно было уничтожать поодиночке, заодно искореняя из общественного сознания представления о независимости, гражданской ответственности и человеческой солидарности.

Воскрешение в современной российской политике старой концепции «враждебного окружения» – идеологической базы и пропагандистского обеспечения Большого террора, подозрительность и враждебность ко всему зарубежному, истерический поиск «врагов» за рубежом и «пятой колонны» внутри страны и другие сталинские идеологические шаблоны, обретающие

второе рождение в новом политическом контексте, – все это свидетельства непреодоленного наследия Тридцать Седьмого в нашей политической и общественной жизни.

Легкость, с которой в нашем обществе возникают и расцветают **национализм и ксенофобия**, несомненно унаследована нами в том числе и от «национальных спецопераций» 1937–1938 годов, и от депортаций в годы войны целых народов, обвиненных в предательстве, и от «борьбы с космополитизмом», «дела врачей» и сопутствующих всему этому пропагандистских кампаний.

Интеллектуальный конформизм, боязнь всякой «инакости», отсутствие привычки к свободному и независимому мышлению, податливость ко лжи – тоже во многом результат Большого террора.

Безудержный цинизм – оборотная сторона двоемыслия, волчья лагерная мораль («умри ты сегодня, а я завтра»), утраченная традиционных семейных ценностей – и этими нашими бедами мы в большой мере обязаны школе Большого террора, школе ГУЛАГа.

Катастрофическая разобщенность людей, стадность, подменившая коллективизм, острый дефицит человеческой солидарности – все это результат репрессий, депортаций, насильственных переселений, результат Большого террора, целью которого ведь и было раздробление общества на атомы, превращение народа в «население», в толпу, которой легко и просто управлять.

Разумеется, сегодня наследие Большого террора не воплощается и вряд ли может воплотиться в массовые аресты, – мы живем в совершенно другую эпоху. Но это наследие, не осмысленное обществом, и, стало быть, не преодоленное им, легко может стать «скелетом в шкафу», проклятием нынешнего и будущих поколений, прорывающимся наружу то государственной манией величия, то вспышками шпиономании, то рецидивами репрессивной политики.

Что требуется сделать для осмысления и преодоления разрушительного опыта Тридцать Седьмого?

Последние полтора десятилетия показали, что **необходимо публичное рассмотрение политического террора советского периода с правовых позиций**. Террористической политике тогдашних

руководителей страны, и прежде всего генерального идеолога и верховного организатора террора Иосифа Сталина, конкретным преступлениям, ими совершенным, необходимо дать ясную юридическую оценку. Только такая оценка может стать точкой отсчета, краеугольным камнем правового и исторического сознания, фундаментом для дальнейшей работы с прошлым. В противном случае отношение общества к событиям эпохи террора неизбежно будет колебаться в зависимости от изменений политической конъюнктуры, а призрак сталинизма – периодически воскресать и оборачиваться то бюстами диктатора на улицах наших городов, то рецидивами сталинской политической практики в нашей жизни.

Вероятно, для проведения полноценного разбирательства следовало бы создать специальный судебный орган – указывать на прецеденты в мировой юридической практике излишне.

К сожалению, пока что налицо противоположная тенденция: в 2005 году Государственная Дума Российской Федерации исключила из преамбулы Закона о реабилитации 1991 года единственное в российском законодательстве упоминание о моральном ущербе, причиненном жертвам террора. Нет нужды вдаваться в нравственную и политическую оценку этого шага – она очевидна. Необходимо просто вернуть слова о моральном ущербе в текст Закона. Это надо сделать не только во имя памяти погибших, но и ради самоуважения. Это надо сделать и для того, чтобы загладить оскорблени, нанесенное нескольким десяткам тысяч глубоких стариков – выжившим узникам ГУЛАГа, и сотням тысяч родственников жертв террора.

Однако правовая оценка террора – это важный, но недостаточный шаг.

Необходимо обеспечить благоприятные условия для продолжения и расширения исследовательской работы по истории государственного террора в СССР. Для этого нужно, прежде всего, снять все ныне действующие искусственные и необоснованные ограничения доступа к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями.

Необходимо сделать современное историческое знание об эпохе террора общим достоянием: создать, наконец, школьные и вузовские учебники истории, в которых теме политических репрессий и, в частности, Большому террору было быделено место, соответствующее их историческому значению. История

советского террора должна стать не только обязательной и значительной частью школьного образования, но и объектом серьезных усилий в области народного просвещения в самом широком смысле слова. Необходимы просветительные и культурные программы, посвященные этой теме, на государственных каналах телевидения, необходима государственная поддержка издательских проектов по выпуску научной, просветительной, мемуарной литературы, посвященной эпохе террора.

Необходимо создать общенациональный Музей истории государственного террора, соответствующий по своему статусу и уровню масштабам трагедии, и сделать его методическим и научным центром музейной работы по этой теме. История террора и ГУЛАГа должна быть представлена во всех исторических и краеведческих музеях страны, так, как это делается, например, в отношении другой грандиозной исторической трагедии – Великой Отечественной войны.

Необходимо воздвигнуть наконец в Москве общенациональный памятник погибшим, который был бы поставлен государством и от имени государства. Такой памятник нам обещают вот уже 45 лет; пора бы и выполнить обещание. Но этого мало: надо, чтобы памятники жертвам террора встали по всей стране. К сожалению, во многих городах делоувековечения памяти жертв до сих пор не двинулось дальше закладных камней, установленных 15-18 лет назад.

В стране должны появиться памятные знаки и мемориальные доски, которые отмечали бы места, связанные с инфраструктурой террора: сохранившиеся здания следственных и пересильных тюрем, политизоляторов, управлений НКВД и ГУЛАГа и т.п. Памятные знаки, указатели и информационные щиты следует установить также в местах дислокации больших лагерных комплексов, на предприятиях, созданных трудом узников, на дорогах, ведущих к сохранившимся руинам лагерных зон.

Необходимо убрать из названий улиц и площадей, да и из названий населенных пунктов, имена государственных деятелей – организаторов и активных участников террора. Топонимика не может больше оставаться зонойувековечения памяти преступников.

Необходима государственная программа подготовки и издания во всех субъектах Российской Федерации Книг памяти жертв политических репрессий. Сейчас такие Книги памяти вы-

пущены только в части регионов России. По приблизительным подсчетам, совокупный список имен, перечисленных в этих книгах, охватывает на сегодняшний день не более 20% от общего числа людей, подвергшихся политическим репрессиям.

Срочно необходимо разработать и осуществить общероссийскую или даже межгосударственную **программу поиска и мемориализации мест захоронений жертв террора**. Это проблема не столько образовательная и просветительская, сколько нравственная. На территории бывшего СССР – многие сотни расстрельных рвов и братских могил, где тайно закапывали казненных, тысячи лагерных и спецпоселенческих кладбищ, разрушенных, полуразрушенных и таких, от которых остались лишь следы; от тысяч кладбищ уже и следов не осталось.

Все это способствовало бы восстановлению памяти об одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века и помогло бы выработать устойчивый иммунитет к тоталитарным стереотипам.

Сказанное выше относится в первую очередь к России – правопреемнику СССР, самой большой из бывших советских республик, стране, в столице которой располагался центр разработки и запуска террористических кампаний, управления механизмами террора, на территории которой находилась основная часть империи ГУЛАГа.

Однако очень многое из того, что должно быть сделано, должно делаться на всем пространстве бывшего СССР, лучше всего – совместными усилиями наших стран. История террора понимается и трактуется в сегодняшних постсоветских государствах по-разному. Это естественно. Но принципиально важно, чтобы из этой разности возник диалог. Диалог национальных памятей – важная и необходимая часть осмысливания исторической правды; плохо лишь, когда он превращается в перебранку, в попытки снять историческую (и, стало быть, гражданскую) ответственность с себя и переложить ее на «другого». К сожалению, очень часто именно история советского террора становится инструментом сиюминутных межгосударственных политических разборок, а честная совместная работа с общим прошлым подменяется выставлением перечней взаимных обид, счетов и претензий.

Поэтому развернутая **комплексная программа**, посвященная трагическому опыту прошлого, должна быть, скорее всего,

международной и межгосударственной. Это касается и исторических исследований, и выпуска Книг памяти, и мемориализации мест захоронений, и многое другое – может быть, даже и подготовки школьных учебников. Память о терроре – это общая память наших народов. Память, которая не разъединяет, а объединяет нас – еще и потому, что это ведь не только память о преступлениях, но и память о совместном противостоянии машине убийств, память об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

* * *

Конечно, память о прошлом формируется не указами и постановлениями правительства. Судьбы исторической памяти могут определиться лишь в широкой общественной дискуссии. Чем дальше, тем более очевидной становится острая необходимость в такой дискуссии.

В осмысливании Большого террора и, шире, всего опыта советской истории нуждается не только Россия и не только страны, входившие в СССР или в состав «социалистического лагеря». В таком обсуждении нуждаются все страны и народы, всечество, ибо события Большого террора наложили отпечаток не только на советскую, но и на всемирную историю. **ГУЛАГ, Колыма, Тридцать Седьмой – такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима**. Они выходят за пределы исторической судьбы СССР или России и становятся свидетельством хрупкости и неустойчивости человеческой цивилизации, относительности завоеваний прогресса, предупреждением о возможности будущих катастрофических рецидивов варварства. Поэтому дискуссия о Большом терроре должна также выйти за рамки национальной проблематики; наряду с другими гуманитарными катастрофами, Большой террор должен стать предметом общечеловеческой рефлексии. Но инициатором и средоточием этой дискуссии обязана стать, разумеется, общественная мысль в странах, входивших в состав СССР, в первую очередь – в России.

К сожалению, именно в России готовность общества узнать и принять правду о своей истории, казавшаяся в конце 1980-х достаточно высокой, сменилась в 1990-е безразличием, апатией и нежеланием «копаться в прошлом». Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы никаких дискуссий на эти

темы больше не было. И в общественном сознании, и в государственной политике усиливаются тенденции, отнюдь не способствующие свободному и прямому разговору о нашей недавней истории. Эти тенденции нашли свое выражение в официальной, хотя и не всегда четко формулируемой концепции отечественной истории исключительно как «нашего славного прошлого».

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, «подрывает морально-политическое единство советского народа»).

Нам говорят, что эта память наносит ущерб процессу национального возрождения.

Нам говорят, что мы должны помнить в первую очередь о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Нам говорят, что народ не хочет иной памяти, отвергает ее.

И в самом деле, значительной части наших сограждан легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть на свою трагическую историю и осмыслить ее во имя будущего. Мы понимаем, почему это так: честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений огромную и непривычную тяжесть исторической и гражданской ответственности. Но мы уверены: без **принятия на себя этого, в самом деле – тяжелейшего, груза ответственности за прошлое у нас не будет никакой национальной консолидации и никакого возрождения**.

В канун одной из самых страшных годовщин нашей общей истории «Мемориал» призывает всех, кому дорого будущее наших стран и народов, пристально взглядеться в прошлое и постараться понять его уроки.

5 апреля 2007 г.

О запрете Марша несогласных

Заявление Международного общества «Мемориал»

14 апреля ряд оппозиционных организаций планирует провести в Москве очередной Марш несогласных.

В демократическом государстве подобное шествие – событие заурядное. Однако российское государство на протяжении последних лет все дальше и дальше отходит от принципов демократии, все циничнее попирает права и свободы граждан. В сегодняшней России марши оппозиции запрещаются и жестоко разгоняются.

Предлогом для запрета может стать неожиданно организованный городскими властями детский праздник, или столь же неожиданно начатые работы по благоустройству улицы, или забота о правах пешеходов и водителей, которым якобы помешает демонстрация.

Откровенно неправовой характер запретов провоцирует участников уличных акций на демонстративное нарушение этих запретов. Насилие при разгоне демонстрантов становится нормой. При этом организациям, созданным и патронируемым нынешней властью, улицы и проспекты Москвы, как и других городов, предоставляются для массовых акций совершенно беспрепятственно.

Можно по-разному относиться к политическим взглядам и лозунгам организаторов и участников Маршей несогласных. Но в любом случае они имеют полное право выражать свою политическую и гражданскую позицию, в том числе и в форме марша по центральным улицам Москвы.

Общество «Мемориал» напоминает, что одной из основных функций власти является обеспечение безопасности граждан, и заявляет, что ответственность за насилие, которое может произойти на улицах Москвы 14 апреля в связи с Маршем несогласных, ляжет на власть – как московскую, так и федеральную.

12 апреля 2007 г.

О «национальных образах прошлого» (XX век и «война памятей»)

Обращение Международного общества «Мемориал»

XX век оставил глубокие и незаживающие раны в памяти практически всех народов Восточной и Центральной Европы. Революции, перевороты, две мировые войны, нацистская оккупация Европы, катастрофа, непостижимая для человеческого ума – Холокост. Множество локальных войн и конфликтов, большая часть которых имела отчетливую национальную окраску: Прибалтика, Польша, Западная Украина, Балканы. Чехарда разного толка диктатур, каждая из которых бесцеремонно отнимала у людей гражданскую и политическую свободу, а взамен навязывала им унифицированные, обязательные для всех системы ценностей. Цепь обретений, утрат и новых обретений народами национальной независимости, понимаемой по большей части в рамках этнического самосознания, – и каждый раз те или иные сообщества чувствовали себя оскорбленными и униженными.

Это – наша общая история. Но каждый народ помнит и чувствует эту историю по-своему. Национальная память по-своему перерабатывает и осмысливает общий опыт. И поэтому у каждого народа – свой XX век.

Разумеется, любой «коллективный образ прошлого» – категория условная и абстрактная. Но эта абстракция воплощается во вполне конкретных вещах: в публичных политических и нравственных оценках исторических событий, в культурной жизни, в содержании образования, в государственной политике, в межнациональных и межгосударственных отношениях.

Горечь давних взаимных обид может долго отравлять отношения между народами – если только у них не находятся лидеры, подобные Вацлаву Гавелу, который, став Президентом

Чехословакии, нашел в себе мужество (вопреки тогдашним настроениям большинства своих сограждан!) публично извиниться перед изгнанными после войны из Судетской области немцами и их потомками. Подобные символические жесты вполне способны если не поставить точку во взаимных претензиях народов друг к другу, то заметно снизить их накал. К сожалению, люди такого нравственного масштаба, как Гавел, редко становятся национальными лидерами.

Мы отдаляем себе отчет и в том, что не существует такого судьи, который мог бы вынести прошлому независимый и нелицеприятный вердикт. Почти в каждом из многообразных образов прошлого, порожденных национальной памятью, можно разглядеть и стремление людей оправдать собственный народ, и фрагмент исторической истины, более всего внятный именно этому народу и менее заметный для его соседей. Различие исторических оценок – это реальность, которую бессмысленно и вредно затушевывать. С ней мало просто считаться, ее надо постараться понять.

Сегодня споры на исторические темы возникают не только вокруг фактов, сколько вокруг различных интерпретаций этих фактов. Добросовестное осмысление того или иного события, явления или процесса требует прежде всего рассмотрения его в конкретном историческом контексте. Однако зачастую сам выбор этого контекста порождает трудносовместимые оценки.

Так, в контексте насилия отторжения Вильнюса и Виленского края от Литовского государства в 1920 году и последующей аннексии их Польшей, возвращение этих территорий в состав Литвы осенью 1939-го выглядит актом восстановления справедливости. Но совсем по-другому смотрится это же событие в контексте пакта Молотова–Риббентропа и секретных протоколов к нему, гибели Польского государства под двойным ударом с Запада и Востока и других реалий первых недель Второй мировой войны. Подобная множественность оценок заложена в целом ряде территориальных переделов, «отторжений» и «воссоединений» тех лет.

Что такое день 17 сентября 1939 года для польского народа? Это день национальной трагедии, когда страна, из последних сил сопротивлявшаяся гитлеровской агрессии, подверглась внезапному и ничем не спровоцированному вторжению с Востока. Это исторический факт, и никакие ссылки на несправед-

ливость довоенных границ или на необходимость обеспечить Советскому Союзу западные рубежи обороны не могут снять со сталинского руководства ответственности за соучастие в гитлеровской агрессии против Польши.

Но для значительной части украинского народа этот день имеет еще и особый, дополнительный смысл: это день воссоединения украинских земель в единое целое, хотя бы и в рамках СССР.

Имеют право украинцы на особое отношение к этим событиям, иное, чем у поляков? Да, имеют. Но при этом и поляки, и украинцы вправе ждать друг от друга понимания и уважения к различиям их памятий.

Как следует воспринимать события 1944 года, когда Советская армия вышибла немцев из Литвы, Эстонии и большей части Латвии? Как освобождение Прибалтики от гитлеровцев? Как важный этап на пути к окончательной Победе над нацизмом? Безусловно; и именно так воспринимаются эти события в мире. В России это восприятие особенно остро, оно вошло в основу национального самосознания.

Но для эстонцев, латышей и литовцев военные победы Советской армии означали еще и возвращение их стран в состав СССР – государства, которое в 1940 году лишило их национальной независимости, возвращение режима, который за 11 месяцев, с июля 1940 по июнь 1941 года успел зарекомендовать себя многочисленными арестами и приговорами по политическим обвинениям, депортацией десятков тысяч человек в Сибирь и Казахстан, бессудными казнями заключенных в первые дни войны. А в ближайшем будущем, которое окончательно определилось осенью 1944-го, их ожидали насилиственная коллективизация, новые аресты и новые массовые депортации.

Имеют ли граждане России и других стран, входивших в состав СССР, право гордиться военными успехами Советской армии в 1944 году? Вне всякого сомнения: это право оплачено кровью сотен тысяч погибших солдат. Но, нисколько не поступаясь этой законной гордостью, они должны знать и понимать, что, кроме освобождения от нацизма, принесли эти успехи народам Балтии. Те же, в свою очередь, помня о своей трагической истории, должны помнить и понимать, что означает для России – да и для всего человечества – память о великой борьбе народов с нацизмом.

В Грузии и Украине недавно открыты «музеи советской оккупации». Это вызвало у большинства российских граждан недоумение или раздражение. В России лишь специалисты-историки знают о существовании независимой Грузинской Демократической Республики в 1918–1921 годах и о попытках создания в 1918–1920 годах независимой Украинской Народной Республики, а также о роли Красной Армии в их ликвидации. Но в самих этих странах память об их независимом государственном существовании в XX веке, пусть исторически кратком, никогда полностью не исчезала. Вполне естественно, что сейчас там возникает стремление к переосмыслению событий 1920 и 1921 годов.

Можно не соглашаться с некоторыми выводами, которые при этом делаются. Можно полемизировать с теми историками и юристами, которые возводят нынешнюю украинскую или грузинскую государственность к событиям 1918 года. Можно решительно спорить с теми, кто склонен рассматривать всю историю этих стран от конца Гражданской войны до 1991 года как период «оккупации». Но общество в России, – стране, на которую многие привычно возлагают вину за все совершенное коммунистическим режимом, – должно быть в курсе дискуссий о прошлом, разворачивающихся в соседних странах., и относиться к этим дискуссиям с пониманием, а не отделяться от них газетными фельетонами и карикатурами.

В то же время хотелось бы, чтобы украинская и грузинская общественность сознавала: отсутствие в России автоматического согласия с хлесткими эпитетами, подчас применяемыми в Грузии или Украине к некоторым ключевым эпизодам этой нашей общей истории, не обязательно свидетельствует о «великодержавном шовинизме» и «неизжитых стереотипах имперского сознания».

Это же относится и к оценкам вооруженного партизанского сопротивления коммунистическому режиму в послевоенные годы на Западной Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Польше. Память о повстанческих движениях, как правило, сложна и драматична; она не может не порождать множество разных оценок. Вплоть до самых крайних: кто-то склонен к безоглядной героизации «борцов за свободу», кому-то мучительно трудно расстаться с привычными представлениями о «бандитах». И для любой точки зрения без труда находятся

обоснования. Спорящие не в силах убедить друг друга даже в тех случаях, когда спор идет внутри одной страны. Когда же к ожесточенному спору примешиваются национально-государственные амбиции и политические страсти, вряд ли можно надеяться на достижение взвешенных и взаимоприемлемых оценок. Но перейти от перебранки и взаимных оскорблений к цивилизованному обмену мнениями – можно и должно.

Перечень примеров, когда память одного народа вступает в противоречие с памятью другого народа, можно продолжать и дальше. В этих противоречиях нет решительно ничего скверного, напротив: если относиться к ним с должным пониманием, они лишь обогащают историческое сознание каждого народа, делают наши представления о прошлом более объемными.

В той области истории, которой занимается Общество «Мемориал», – в истории советского государственного террора – эта разница в оценках и понимании оказалась не менее болезненной, чем в других областях. Трагедии прошлого, неосознанные и неосмыслиенные, или осмыслиенные лицемерно и поверхностно, становятся основой для новых историко-политических мифов, влияют на национальные менталитеты, искажают их, сталкивают между собой страны и народы.

Почти во всех странах бывшего «социалистического лагеря» процветают ныне формы историко-политической рефлексии, которые позволяют представить «свои» страдания исключительно как результат «чужой» злой воли. Диктатура и террор рассматриваются в первую очередь как направленные против нации, а те, кто их осуществлял – как «чужеземцы» или чужеземные марионетки. То обстоятельство, что коммунистические режимы в этих странах в течение многих лет опирались не только на советские штыки, но и на определенные внутренние ресурсы, – постепенно исчезает из национальной памяти.

При этом до предела заостряются историко-правовые оценки происходившего: например, расхожий монетой в политическом лексиконе целого ряда посткоммунистических стран стало слово «геноцид». Мы отаем себе отчет в том, что и такого рода крайние оценки нередко несут в себе часть исторической

правды. Но мы полагаем, что частичная правда всегда опасна – в первую очередь для тех, кто готов принять ее за историческую истину во всей ее полноте.

Культивирование образа собственного народа как «жертвы», возведение уровня человеческих потерь в ранг национального достояния органически связаны с отчуждением ответственности, с персонификацией образа «палача» в соседе. Это естественный результат рефлекторной потребности людей снять с себя слишком неподъемный груз гражданской ответственности за прошлое. Но снятие с себя всякой ответственности и возложение ее на соседа – не лучшая основа не только для взаимного понимания народами друг друга, но и для собственного национального возрождения.

Для России история рухнувшего Советского Союза неотделима от ее собственной истории – таково самосознание большинства ее граждан. Отчасти поэтому, а отчасти из-за того, что Россия объявила себя правопреемником СССР, для ряда соседних народов она оказывается удобным объектом, на который можно возложить историческую ответственность – достаточно однозначно отождествить сегодняшнюю Россию со сталинским СССР и указать на нее как на источник своих национальных трагедий.

Россия, со своей стороны, нашла особый способ облегчения ноши, возложенной историей на народы, пережившие тоталитаризм. Вместо добросовестных попыток осмыслить историю XX века во всей ее полноте и трагизме, вместо серьезной общенациональной дискуссии о советском прошлом здесь возрождается, с небольшими изменениями, советский державно-патриотический миф – миф об отечественной истории как о череде славных героических свершений. В этом мифе, по большому счету, вообще нет места ни вине, ни ответственности, ни осознанию самого факта трагедии. Какая же может быть гражданская ответственность за героизм и самопожертвование? В результате многие российские граждане просто не в состоянии осмыслить не только степень исторической ответственности Советского Союза перед соседними с сегодняшней Россией странами, но и масштабы катастрофы, постигшей саму Россию. Отказ от памяти, подмена ее картиной лубочной империи, где «от молдаванина до финна // на всех языках все молчит, // бо благоденствует», представляют для России не меньшую

общественную опасность, чем культивирование национальных обид – для ее соседей.

* * *

Повторим еще раз: сами по себе национальные различия в интерпретации важных исторических событий – естественны и неизбежны. Надо всего лишь отчетливо понимать, как относиться к этим различиям.

Разумеется, не следует отказываться от собственного понимания истории только в угоду «политкорректности», но навязывать соседям собственную правду тоже не следует.

Бессмысленно игнорировать «чужую» память, делать вид, что ее не существует вовсе; бессмысленно отрицать ее обоснованность, огульно объявляя ложными те факты и толкования, которые за ней стоят.

Не следует превращать страдания и несчастья собственного народа в род нравственного преимущества перед другими народами, якобы (или в действительности) не так сильно пострадавшими, использовать эти страдания как политический капитал, конвертировать их в списки претензий к соседним странам и народам.

Ни в коем случае не следует пытаться эксплуатировать противоречия в «национальных образах прошлого», превращать особенности национальной памяти в повод для межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов.

При любом историческом видении – сегодня непродуктивно и опасно делить народы на «жертв» и «палачей», оценивать прошлое в категориях «исторической вины» одних перед другими.

Дело даже не только в том, что современное правовое мышление отрицает концепцию коллективной и, тем более, наследственной вины за преступление. (Мы не касаемся здесь проблем, связанных с юридической ответственностью государств перед своими и чужими гражданами.) Мы убеждены: для серьезного осознания прошлого, для поиска выхода из тупиков исторических противоречий главное – не поиск виновных, а гражданская ответственность, которую добровольно принимает на себя каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества, за деяния, совершаемые от имени этого сообщества. Если народ объединен не только сиюминутным гражданским и политическим бытом, но

и общим прошлым, и чаянием общего будущего, то категория гражданской ответственности естественным образом распространяется и на национальную историю. Именно гражданская ответственность за собственную историю, а не великие достижения и великие катастрофы как таковые делает народ в полной мере нацией – обществом сограждан.

Эта ответственность – не та работа, которую можно сделать один раз и навсегда. Каждый народ должен вновь и вновь обращаться к своему прошлому, должен вновь и вновь, в каждом новом поколении, осмысливать и переосмысливать его, не отворачиваясь от горьких и страшных его страниц, должен развивать собственное прочтение истории – и отчетливо понимать при этом, что другие имеют право на иное, свое собственное ее прочтение. Более того, каждый народ должен стремиться увидеть и понять образы прошлого, сложившиеся у его соседей, и понять ту историческую реальность, которая стоит за этими образами. Не принять, а именно понять; не заменить собственную правду истории чужой правдой, а дополнить и обогатить ею свое видение прошлого.

* * *

К сожалению, на наших глазах история становится инструментом для достижения сиюминутных политических целей, дубиной в руках людей, которым, в сущности, нет дела ни до национальной памяти других народов, ни до трагедий, пережитых их собственными народами, ни до прошлого вообще. События, разыгравшиеся недавно вокруг памятника советским солдатам в Таллине, отчетливо демонстрируют дефицит гражданской ответственности у политиков и в Эстонии, и в России. История с памятником – яркая иллюстрация того, какие последствия могут повлечь за собой различия в национальных образах прошлого, если спор об истории принимает форму «конфликта памятей».

Разумеется, всегда найдутся люди, которые захотят подогреть этот конфликт, чтобы извлечь из него политические дивиденды – в ущерб своему собственному народу, в ущерб другим народам, в ущерб всем нормальным людям. Но и общество не может снять с себя ответственности за подобное развитие событий, ибо конфликт становится возможным там, где отсутствует доброжелательный и заинтересованный диалог.

Что может противопоставить общество застарелым предрассудкам, взаимной нетерпимости, своекорыстию и ограниченности политиков?

Мы полагаем, что единственный способ преодолеть нарастающую отчужденность между народами – это свободный, непредвзятый и цивилизованный обмен мнениями по всем вызывающим разногласия вопросам нашей общей истории. Цель этого обмена мнениями видится нам не в том, чтобы полностью снять противоречия во взглядах, а всего лишь в том, чтобы лучше узнать и постараться понять точки зрения друг друга. Если при этом мы придем к единому мнению относительно какой-то болезненной проблемы, связанной с нашим прошлым, – прекрасно. Если не придем – ничего страшного: каждый из нас останется при своем понимании, но мы научимся видеть и понимать также и образы прошлого, существующие в сознании наших соседей. Единственными условиями диалога должны стать общая готовность участников уважать другую точку зрения, сколь «неправильной» она бы ни показалась кому-то на первый взгляд, искренний интерес к этой точке зрения и искреннее желание понять ее.

Для этого диалога необходимо создать соответствующий механизм, своего рода дискуссионную площадку.

Общество «Мемориал» предлагает всем, кто заинтересован в содержательной и доброжелательной дискуссии на темы, связанные с общим историческим прошлым, принять участие в создании такой площадки – Международного исторического форума. Этот Форум видится нам как свободная ассоциация общественных организаций, исследовательских центров, культурно-просветительских учреждений и т.п., внутри которой постоянно идет обмен мнениями вокруг конфликтных исторических событий XX века, связанных с нашим регионом.

Само собой разумеется, Форум не может быть закрыт и для отдельных исследователей, публицистов и других заинтересованных людей. И, конечно, мы хотели бы, чтобы на нем были представлены как «господствующие» в том или ином обществе исторические воззрения, так и «диссидентские» точки зрения – за исключением интерпретаций, основанных на откро-

венно человеконенавистнических, фашистских и расистских системах ценностей.

Состояние национальной памяти в странах Центральной и Восточной Европы интересно и важно в первую очередь для народов этого региона, – но не только для них. Так называемая старая Европа сегодня прирастает Европой новой. Почти все государства региона вошли или стремятся войти в общеевропейские структуры. Вместе с ними в европейскую культуру, в общую европейскую память входят наши исторические проблемы, травмы и комплексы. Опыт посткоммунистических стран (включая не только «географическую Европу», но и Казахстан, и государства на Кавказе и в Центральной Азии) становится вызовом для всех европейцев: с ним необходимо работать, его надлежит понять. Наш предполагаемый диалог – это лишь часть общеевропейского, а, по большому счету, общечеловеческого диалога о прошлом. Кроме того, осваивая и осмысливая собственный XX век, многие народы – и в Западной Европе, и в Латинской Америке, и в других регионах мира – сталкивались с проблемами, схожими с теми, что стоят сегодня перед нами, и было бы очень важно знать, как эти проблемы у них решались и решаются. Поэтому мы надеемся, что тематика и состав участников Форума не будут жестко ограничены одним нашим регионом.

Конкретные формы организации диалога – специальный Интернет-сайт, серии «очных» двусторонних и многосторонних тематических конференций, в которых смогут принять участие не только историки-профессионалы (и без того так или иначе осуществляющие обмен мнениями внутри академического сообщества), но и юристы, социологи, журналисты, активисты общественных организаций – мы предлагаем выработать совместно всем, кто поддерживает нашу идею и готов участвовать в ее воплощении. Это же относится и к различным «продуктам деятельности» Форума, вплоть до общих периодических изданий и совместной разработки учебных пособий для средней школы, с помощью которых молодежь каждой из наших стран могла бы знакомиться с «национальными образами прошлого», имеющими распространение в соседних странах и среди других народов.

Исторический Форум, создать который мы предлагаем, будет, несомненно, способствовать развитию взаимопонимания

между его участниками – людьми и организациями, представляющими разные страны и разные традиции осмыслиения прошлого. Но мы надеемся, что он станет также одним из путей ко взаимопониманию между нашими странами и народами.

Мы обязаны попытаться сделать так, чтобы наши общие трагические воспоминания сближали, а не разъединяли народы. И у нас есть шанс этого добиться, если мы согласимся работать над прошлым вместе, а не порознь.

Март 2008 г.

О социальной ответственности бизнеса

**Обращение Международного общества «Мемориал»
к Правлению Российского союза промышленников
и предпринимателей**

Уважаемые члены Правления!

Перед нашей страной стоит комплекс задач, связанных с осознанием себя в истории и современном мире. В решении одной из них отечественному бизнесу, авторитетно представляемому вашей организацией, на наш взгляд, естественно было бы принять самое активное участие.

Речь идет о восстановлении и сохранении памяти о том вкладе, который внесли в нашу экономику, в том числе в становление процветающих ныне предприятий, миллионы жертв политических репрессий – заключенные ГУЛАГа, спецпоселенцы и «трудармейцы».

Масштабы использования принудительного труда в советском народном хозяйстве были огромны и в новейшей истории мало с чем сравнимы (кроме, вероятно, масштабов использования труда рабов на хлопковых плантациях США до 1863 года, а также военнопленных и «восточных рабочих» в Германии в 1942–1945). Становление и развитие ряда ключевых отраслей советской промышленности неразрывно связано с «истребительно-трудовой» системой лагерей.

Это – создание транспортной инфраструктуры России: поглотившее огромное количество труда и человеческих жизней строительство железных и автомобильных дорог, грандиозных каналов, многих морских портов – от северных до Севагавии.

Это – топливно-энергетический комплекс: нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие комбинаты Ухты и Поволжья, угольные шахты Воркуты, Кузбасса, Дальнего Востока, освоение и эксплуатация десятков других месторожде-

ний угля и нефти; это многочисленные ТЭЦ и предприятия гидроэнергетики по всей стране.

Это – горнорудная промышленность: освоение никелевых и полиметаллических месторождений Кольского полуострова, Норильска, Юго-Восточной Сибири, Таймыра, фосфоритов и апатитов Хибин, олова Якутии и золота Колымы, флюоритов Забайкалья и т.д.

Это – лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, основанная и в течение многих десятилетий практически целиком державшаяся на подневольном труде зэков «лесных» лагерей и «раскулаченных» крестьян.

Это – множество предприятий атомной промышленности, от радиевых разработок в Коми и урановых рудников в Амурской области и на Чукотке до комбинатов на Урале, в Восточной и Западной Сибири, заводов в Электростали, Новосибирске и Ангарске; это строительство силами заключенных «закрытых городов» Минсредмаша.

Это – «особые конструкторские бюро» («шарашки»), внесшие значительный вклад в развитие науки и оборонной техники. Многие из этих ОКБ существуют и ныне, уже как «гражданские» учреждения.

Список можно продолжить. Очевидно, что история становления в XX веке российской индустрии не может быть написана и по-настоящему осознана обществом без восстановления памяти об этих трагических страницах нашего прошлого.

Для увековечения памяти жертв политических репрессий в России делается немало: силами региональных и местных администраций, энергией общественности устанавливаются памятники и памятные знаки, издаются Книги памяти, создано несколько мемориальных кладбищ. Нередко эти усилия поддерживаются местным бизнесом.

Но, говоря о жертвах террора, обычно забывают о том, что эти люди – не только жертвы, но и создатели значительной части отечественной экономики. Память о ГУЛАГе крайне редко рассматривается бизнесом как часть собственной «корпоративной памяти». Поэтому особенного внимания, на наш взгляд, заслуживает недавняя инициатива РАО «ЕЭС России»: эта корпорация не только подготовила и издала книгу «Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики СССР», но и приняла решение провести Дни памяти на предприятиях корпорации и установить мемориальные доски почти на двухстах объектах энергетики, созданных с использованием труда заключенных.

Общество «Мемориал» обращается к владельцам и управляющим ведущих предприятий России с предложением поддержать и продолжить эту инициативу, – **вспомнить о людях, чья жизнь и свобода лежат в основе их нынешнего процветания.** Трагические страницы истории наших предприятий нисколько не умаляют их ценность для страны – наоборот, они увеличивают их значение, придавая им дополнительный смысл памятников национальной истории.

Российский бизнес до сих пор сталкивается сrudиментами идеологии, призывающей «все отнять и поделить». Формирование цивилизованного отношения к сегодняшней деловой активности невозможно без осмысления обществом трагической истории российской индустриализации, без осмысления общественной и политической системы, породившей ГУЛАГ и заставлявшей миллионы людей жить и работать в нечеловеческих условиях. Системы, при которой ни одно предприятие России не могло существовать в его нынешней форме, поскольку само предпринимательство было преступлением.

Без памяти о рабском труде заключенных трудно понять настоящему почувствовать и понять ценность произошедших в стране изменений. Без памяти о тех, кто когда-то закладывал основы российской индустрии, трудно рассчитывать на то, что потомками будет по достоинству оценен вклад сотрудников, руководителей и владельцев нынешних предприятий в модернизацию страны.

Поэтому мы приываем лидеров делового мира России к созданию и осуществлению **комплексных общенациональных программ** увековечения памяти политзаключенных и спецпоселенцев, чей принудительный труд использовался на предприятиях отечественного народного хозяйства. Общество «Мемориал» будет радо поддержать эту деятельность накопленными информационными ресурсами, своими усилиями и общественным авторитетом.

Важнейшими среди таких программ нам представляются:

– сбор материалов об использовании принудительного труда – в первую очередь, труда политических заключенных,

ссыльных и депортированных – в различных отраслях народного хозяйства, выпуск книг и документальных сборников, основанных на этих материалах;

– установление мемориальных досок и памятных знаков на действующих объектах народного хозяйства, созданных руками заключенных;

– создание специализированных музеиных комплексов и постоянных экспозиций в существующих ведомственных музеях или подшефных предприятиям государственных и муниципальных учреждениях культуры и образования;

– приведение в порядок заброшенных кладбищ заключенных и спецпоселенцев – первостроителей ныне действующих предприятий.

К названным задачам вплотную примыкает еще одна: представление систематической материальной помощи той горстке оставшихся в живых бывших заключенных, которые некогда вложили свой труд в создание ресурсной базы сегодняшних предприятий. У отечественного бизнеса остаются считанные годы для того, чтобы – хотя бы на символическом уровне – попытаться погасить этот моральный долг.

* * *

Мы призываем Правление РСПП поддержать наше обращение и распространить его среди членов Союза, помочь довести его до частных и государственных компаний, не входящих в вашу организацию.

Мы полагаем, что социальная ответственность бизнеса не может ограничиваться только сегодняшним днем. Она распространяется и на прошлое – и только в этом случае способна охватить собой будущее.

28 мая 2008 г.

О компенсации ущерба жертвам репрессий

Председателю Правительства
Российской Федерации
В.В.Путину

Уважаемый Владимир Владимирович!

Конституционный Суд Российской Федерации своим решением от 15 мая 2007 года №383-О-П, опубликованным в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации» в 2007 году № 5, пояснил, что «*Принимая на себя публично-правовое обязательство по обеспечению жертвам политических репрессий посильной компенсации причиненного ущерба, федеральный законодатель исходил из социально-экономического положения государства на момент вступления Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в силу. Между тем размеры компенсаций, установленных названным Законом, не пересматривались с 1 января 2001 года, когда вступил в силу Федеральный закон от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации», которым были внесены изменения только в статью 16-1 относительно компенсации имущественного вреда.*

Далее в этом решении сказано:

«*При таких обстоятельствах Правительство Российской Федерации и Федеральное Собрание в рамках предоставленных им Конституцией Российской Федерации полномочий должны – исходя из финансовых возможностей государства, с учетом уровня инфляции, других социально-экономических факторов – определить размеры компенсаций для лиц, на которых распространяется действие Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», кото-*

рые в настоящее время следует рассматривать как посильную компенсацию причиненного ущерба, с тем чтобы ее размер соответствовал уже признанному государством объему возмещаемого им вреда, который, как следует из правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 19 июня 2002 года №11-П, не подлежит уменьшению, – иное ставило бы под сомнение достижение провозглашенных названным Законом целей».

В статье 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в случае, если «из решения Конституционного Суда Российской Федерации вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании», установлен трехмесячный срок для внесения Правительством соответствующих законопроектов в Государственную Думу, а Государственной Думе предлагается рассматривать эти законопроекты во внеочередном порядке.

Между тем со времени публикации указанного решения Конституционного Суда прошло уже более полугода, а о внесении законопроектов в Государственную Думу не слышно.

Убедительно просим Вас принять меры для немедленного исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации № 272-О-О и № 383-О-П за 2007 год и представить в Государственную Думу соответствующие законопроекты, обеспечивающие индексацию, начиная с 2001 года, выплат, предусмотренных Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» (75 рублей за каждый месяц лишения свободы или пребывания в психиатрических лечебных учреждениях, но не более 10 000 рублей, и 4000 рублей за имущество без жилого дома или 10 000 рублей за все имущество, включая жилые дома). Наши предложения:

1. Внести в Закон Российской Федерации от 7 августа 2000 года № 122-ФЗ «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 33, ст. 3348) следующие изменения:

пункт 4 статьи 4 дополнить подпунктом 3, изложив его в следующей редакции:

«3) размеры выплат, указанных в подпунктах 1 и 2 подлежат индексации начиная с 2001 года.».

2. Внести в статью 6 Закона Российской Федерации от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 35, ст. 3607) следующие изменения:

1) пункт 6 после слов «Российской Федерации» дополнить словами «с учетом индексации этих выплат начиная с 2001 года»;

2) в пункте 8:

а) слова «в части десятой слова «до принятия настоящего Закона» исключить;» исключить;

б) в дополненной части четырнадцатой после слов «Российской Федерации» дополнить словами «с учетом индексации этих выплат начиная с 2001 года»;

3. Внести в Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 44, ст. 1428, Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 1, ст. 21; Российская газета, 1993, 15 октября; Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 45, ст.4242; 2000, № 33, ст. 3348; 2003, № 6, ст. 509, № 43, ст. 4108, 2004, №35, ст. 3607) следующие изменения:

1) часть седьмую статьи 15 после слов «Российской Федерации» дополнить словами «с учетом индексации этих выплат начиная с 2001 года»;

2) в статье 16-1:

а) в части десятой после слова «Вынесенные» дополнить словами «до принятия настоящего Закона»;

б) часть четырнадцатую после слов «Российской Федерации» дополнить словами «с учетом индексации этих выплат начиная с 2001 года».

Фактические расходы, связанные с индексацией размеров компенсации за причиненный вред даже при выплате задолженности с 2001 года, не будет обременительным для профицитного бюджета России: в России уже осталось очень немного жертв политических репрессий, и с каждым днем их становится все меньше.

Надеемся, что Правительство и Государственная Дума РФ не ограничится внесением в законодательство согласно решениям Конституционного Суда вышеуказанных изменений, но и рассмотрят в целом поставленный Конституционным Судом вопрос о приведении размеров посильной компенсации нанесенного жертвам репрессий ущерба в соответствие с новыми экономическими возможностями государства*.

По поручению Правления Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» Председатель Правления
А.Б.Рогинский

26 июня 2008 г.

* Это письмо – одно из многих, направленных «Мемориалом» в государственные инстанции с целью добиться хоть какого-то улучшения в положении реабилитированных.

Нам официально сообщили, что письмо по распоряжению премьер-министра направлено для рассмотрения в Минздравсоцразвития России, больше никаких сведений о судьбе нашего обращения мы до сих пор не имеем.

Определение Конституционного Суда по сей день не исполнено (не имеет никаких последствий). Точно так же в течение пяти лет остаются без ответа или отвергаются обращения «Мемориала», других общественных организаций, предложения региональных властей, касающиеся необходимости пересмотра отдельных статей 122-го закона, резко ухудшивших положение жертв репрессий.

Государственная Дума и «моральный ущерб»

Заявление Международного общества «Мемориал»

Принятый в 1991 году Закон о реабилитации жертв политических репрессийставил целью обеспечение жертвам «посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба».

Когда в 2004 году при так называемой монетизации льгот из этой формулы исчезло упоминание о моральном ущербе, это было оскорблением для всех жертв, но сам факт можно было объяснить случайной оплошностью разработчиков реформы, тем более что упоминание морального ущерба не имело и не могло иметь финансовых последствий.

Однако 27 июня 2008 года Государственная Дума отклонила предложение Московской городской думы о возвращении в текст Закона о реабилитации упоминания о моральном ущербе.

Теперь ясно, что слова про моральный ущерб были убраны из Закона не случайно.

Об истинных причинах этого «редактирования» его авторы умалчивают, прикрываясь псевдоюридическими аргументами. Не будем и мы гадать на этот счет. Отметим лишь, что постоянно сотрясая воздух рассуждениями о морали и требуя возмещения морального вреда даже за публикации в интернет-дневниках, депутаты российского парламента загадочным образом не замечают морального вреда, причиненного преступными действиями советской власти. Видимо, по мнению парламентариев, расстрелы, лагеря и депортации причиняли только материальный вред.

Впрочем, и про материальный вред депутаты, кажется, давно забыли – они не только переложили заботу о социальном положении жертв на плечи региональных властей (отчего возникло множество несообразностей и новых несправедливостей), но и систематически игнорируют неоднократные рекомендации Конституционного Суда разобраться с тем, какие же компен-

сации жертвам репрессий посильны сейчас для окрепшей, в сравнении с 1991 годом, российской экономики.

Остается надеяться лишь на то, что в руководстве страны все-таки найдутся люди с адекватным пониманием морали, которые снова поставят вопрос о возвращении в текст Закона о реабилитации упоминания о моральном ущербе и начнут добиваться обеспечения для жертв советской репрессивной политики единых социальных гарантий по всей территории России.

9 июля 2008 г.

Секирная гора не место для многоборья

Министру по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации
стихийных бедствий
С.К.Шойгу

Уважаемый Сергей Кужугетович!

Как нам стало известно, Главное управление МЧС по Архангельской области планирует проведение региональных соревнований по многоборью на Соловках, на Секирной горе.

Для всего мира Секирная гора давно стала трагическим символом ГУЛАГа, она неразрывно связана с памятью о жертвах коммунистического террора. На Соловках, в первом из организованных большевиками концлагерей, Секирка была самым страшным местом: здесь находился штрафной изолятор — «тюрьма в тюрьме». Каждый, прочитавший «Архипелаг ГУЛАГ», наверняка запомнил описанные Солженицыным изощренные пытки, которым подвергались здесь узники. Слоны Секирной горы покрыты десятками братских могил расстрелянных и замученных заключенных.

Дело не в том даже, что соревнования намечены на начало августа, как раз на те дни, когда на Соловках традиционно проводятся Дни Памяти жертв политических репрессий и на остров прибывают тысячи паломников из разных стран. По-разительно, что выступивший с этой инициативой чиновник МЧС *вполне сознательно планирует проводить соревнования, как он сам пишет в обращении к церковным властям, «на Святой земле, полной кровью Новомучеников»*. Того и гляди, кто-нибудь предложит провести соревнования по промышленному альpinизму на колокольне Ивана Великого...

Россия достаточно велика, чтобы можно было организовать соревнования любой сложности и при этом не тревожить места, священные для любого ее гражданина.

Уважаемый Сергей Кужугетович!

Мы обращаемся к Вам с просьбой провести необходимую разъяснительную работу с Вашими подчиненными, чтобы подобная идея в будущем не могла возникнуть ни у одного чиновника – ни в Архангельской области, ни где бы то ни было еще в России. Пусть они навсегда оставят в покое и Секирку, и Мамаев курган, и Пушкинские Горы – история этих мест во все не нуждается в такого рода новых страницах*.

С уважением

Правление Международного общества «Мемориал»

11 июля 2008 г.

К процессу по делу о выставке «Запретное искусство»

Заявление Международного общества «Мемориал»

В связи с возобновлением судебного процесса по делу о выставке «Запретное искусство» считаем необходимым заявить, что вне зависимости от нашего отношения к эстетическим достоинствам или недостаткам данной выставки процесс против ее организаторов вызывает у нас возмущение.

Тот факт, что это «дело» не только возбуждено, но и передано в суд и даже принято к рассмотрению, свидетельствует как о глубоком неблагополучии со свободой мнений в России, так и о плачевном состоянии отечественной юстиции. Похоже, что печальный опыт XX века – от «борьбы с формализмом» и разгрома генетики до скандала в Манеже и «бульдозерной» выставки – до сих пор не осознан и уроки не усвоены.

Для любого человека, знающего историю, – и здесь примером может быть история практически любой страны – сегодня очевидно, что вопросы интерпретации произведений искусства так же не могут входить в компетенцию какого-либо суда, как и вопрос о существовании либо несуществовании Бога. Юридическая процедура в таких сюжетах неуместна и бессильна.

Несомненно, те, кто затеял этот процесс, руководствуются вовсе не христианской любовью к ближнему, а ненавистью к инакомыслию. Будь их воля, они бы уничтожили изрядную часть мирового культурного наследия, да и собрание сочинений Пушкина укоротили бы на пару томов.

Мы все же надеемся, что Конституция РФ им не по зубам и что это дело, позорящее Россию, будет прекращено за отсутствием события преступления*.

12 мая 2009 г.

* 12 июля 2010 года Таганский районный суд Москвы признал организаторов выставки «Запретное искусство-2006» Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева виновными в разжигании ненависти к «христианству в целом и православию в частности» и приговорил их к крупным денежным штрафам. 4 октября 2010 года Мосгорсуд оставил приговор в силе.

* Через четыре дня после отправки этого письма пресс-служба МЧС сообщила в «Мемориал», что вопрос о соревнованиях на Секирной горе снят с повестки дня.

Финал «дела об обыске» и некоторые уроки этого дела

6 мая 2009 года санкт-петербургский городской суд подтвердил решение Дзержинского районного суда о незаконности обыска, проведенного 4 декабря прошлого года в Научно-информационном центре «Мемориал» в Санкт-Петербурге.

Вечером того же дня представители НИЦ «Мемориал» – адвокат Иван Павлов, директор Центра Ирина Флиге и член Совета учредителей Татьяна Косинова – в присутствии независимых наблюдателей, председателя организации «Гражданский контроль» Бориса Пустынцева и представителя Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге Светланы Екимовой забрали из районной прокуратуры незаконно изъятые ею в Центре материалы, в том числе двенадцать жестких дисков, вынутых на обыске из компьютеров «Мемориала». В момент изъятия на этих дисках размещались базы данных, содержащие результаты двадцатилетней исследовательской работы Центра по истории политического террора советского периода.

Процедура возврата была оформлена протоколом, составленным представителями НИЦ «Мемориал» и завизированным независимыми наблюдателями. Все возвращенные материалы были упакованы в коробки, опечатанные печатями «Мемориала», и доставлены в Центр.

13 мая независимые технические специалисты в присутствии представителей общественности провели экспертизу жестких дисков на предмет их работоспособности и сохранности записанной на них информации. Все диски оказались работоспособными, выборочная проверка информации подтвердила ее сохранность. В акте экспертизы отмечено, что следы подключения с целью считывания информации отсутствуют, за исключением единственного диска, на котором прослеживается неудачная попытка подключения в ночь на 5 декабря. Похоже, что все это время диски просто провалялись в прокуратуре и их содержимым никто не интересовался.

В течение пяти месяцев, прошедших со времени обыска, прошло в общей сложности четыре судебных процесса, на которых НИЦ «Мемориал» требовал признания обыска незаконным и возвращения изъятых у него материалов. Еще в марте прокуратура заявила о готовности вернуть изъятое «за ненадобностью», теперь она была вынуждена сделать это по решению суда.

Конечно, возвращение имущества не компенсировало ущерб, нанесенный работе Центра: в результате налета была выведена из строя почти вся оргтехника, а большие массивы научно-справочной информации, размещенные на изъятых дисках, в течение пяти месяцев были недоступны. Кроме того, остался открытым вопрос о моральном ущербе, причиненном нашей организации: абсурдное подозрение следователя М.Г.Калганова о причастности «Мемориала» к финансированию правоэкстремистских публикаций, публично повторенное на заседании ОБСЕ полномочным представителем России, не опровергнуто в судебном заседании – суд отказался рассматривать этот вопрос по существу. Общество «Мемориал» намерено осуществить дальнейшие действия по защите своего доброго имени.

И все-таки: права организации восстановлены, ее имущество возвращено. Мы полагаем, что этот результат не был бы достигнут, если бы не волна протестов и солидарности, поднявшаяся в мире и в России сразу после полицейского рейда 4 декабря. «Мемориал» искренне благодарит российскую и зарубежную научную общественность, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге, правозащитные структуры Совета Европы, демократические общественные и политические организации России, отечественные и зарубежные средства массовой информации (в частности и в особенности – информационно-аналитические сайты Полит.Ру и «Права человека в России»), зарубежных политиков и многих других за поддержку.

«Мемориал» обращает внимание общественности на то, что из «дела об обыске» можно извлечь некоторые выводы.

Первое. Вопреки расхожим мнениям, неправительственные организации в России в отдельных случаях могут добиться защиты своих прав в суде, если приложат к этому достаточно уси-

лий и проявят настойчивость. Такая победа дается недешево; в данном случае за нее пришлось заплатить временем и силами сотрудников «Мемориала», вынужденных в течение пяти месяцев постоянно отвлекаться от своей основной работы ради отстаивания прав и доброго имени организации.

Второе. Кампании общественной солидарности имеют не только символическое протестное значение. Они могут приносить практические результаты.

Третье. По-видимому, в современных условиях полное торжество закона и справедливости маловероятно, если это серьезно затрагивает ведомственные интересы. В «деле об обыске» это выражалось в том, что суд отказался рассматривать вопрос о незаконности самого постановления об обыске ввиду его полной необоснованности, ограничившись указанием на то, что решение о производстве обыска является исключительной прерогативой следователя. Тем самым суд фактически утвердил право следственных органов принимать такого рода произвольные решения, ущемляющие права юридических лиц, не опасаясь последующей судебной проверки. Общество «Мемориал» полагает, что подобная практика антиконституционна.

Четвертое. В ходе судебного следствия выяснилось, что правоохранительные органы (во всяком случае, Центр по противодействию экстремизму Главного управления МВД России по Северо-Западному федеральному округу) рассматривали «Мемориал» как «экстремистскую» организацию, за офисом которой было даже сочленено необходимым установить «оперативное наблюдение», то есть попросту наружную слежку. Наши попытки выяснить причины, по которым наш Научно-информационный центр в Петербурге стал объектом оперативно-розыскной деятельности, остаются пока безуспешными. В ЦПЭ ГУ МВД по СЗФО отвечать на наш запрос по существу отказались, ссылаясь на то, что закон запрещает раскрывать тайну оперативно-розыскной деятельности. Однако сам факт сосредоточения усилий по «борьбе с экстремизмом» на организациях, подобных «Мемориалу», проливает определенный свет на причины того, почему реальная экстремистская активность в Петербурге, да и во всей стране, растет, а раскрываемость преступлений, совершаемых на почве экстремизма, катастрофически мала. История с установлением наружного наблюдения за исследовательским центром «Мемориала»

должна стать еще одним толчком для серьезной общественной дискуссии, в ходе которой будет выработана оценка сегодняшних целей и приоритетов правоохранительных органов и силовых ведомств в «борьбе с экстремизмом». Мы ожидаем, что в такой общественной дискуссии также примут участие заинтересованные государственные службы и ведомства.

Таким образом, «дело об обыске в НИЦ «Мемориал» закончено (по крайней мере, в отношении восстановления нарушенных прав), но определенные аспекты этого дела по-прежнему требуют общественного осмыслиения.

Международное общество «Мемориал»
Санкт-Петербургское общество «Мемориал»
НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

14 мая 2009 г.

О новой Комиссии при Президенте Российской Федерации

Заявление Международного общества «Мемориал»

Продираясь через толщу грамматических согласований в названии новообразованной структуры («Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»), можно предположить, что речь идет о следующем: некие силы предпринимают попытки фальсифицировать историю; эти попытки наносят ущерб интересам России; комиссия создана, дабы означенным попыткам противодействовать. Государственная важность этой комиссии подчеркивается ее составом – тут и ФСБ, и Служба внешней разведки, и Совет безопасности, и МИД с Минюстом, и даже начальник Генерального штаба Российской армии; а председателем назначен глава Президентской администрации Сергей Нарышкин. При этом историков-профессионалов среди 28 чиновных членов комиссии можно пересчитать по пальцам одной руки. И это не случайно.

Вообще-то любые исторические фальсификации, чьей бы национальной истории они ни касались и в какую бы сторону ни были направлены, наносят ущерб всему человечеству – гражданам Франции и Польши, США и Финляндии, России и любой другой страны. Попытка выделить среди этих фальсификаций особую категорию подделок, «наносящих ущерб интересам России», кажется нам, мягко говоря, странной. Но не в этом только дело.

Сегодняшние попытки фальсифицировать отечественную историю, действительно, нередки. Продолжают тиражироваться сталинистские фальсификации о «пятой колонне» и «военно-фашистском заговоре» в 1937-м. По всей стране распространяются книги, где, вопреки общеизвестным фактам, доказывается непричастность НКВД к «катынскому делу» – расстрелу военнопленных поляков в 1940 году. Некоторые из современных российских политических деятелей, не обращая

внимания на давно опубликованные документы, преуменьшают или, хуже того, оправдывают государственный террор сталинской эпохи. Подобные тенденции прослеживаются ныне даже в учебных пособиях для средней школы.

Наносят ли подобные грубые исторические фальсификации ущерб России? Несомненно наносят. Они лишают народ Российской Федерации его уникального и трагического прошлого, подрывают основы национальной идентичности, уничтожают связь между поколениями, размыают нравственные ориентиры молодежи, вызывают трения и конфликты в отношениях с соседними народами, подрывают уважение к России за рубежом.

Мы не сторонники решения проблемы фальсификаций истории путем законодательных запретов. Мы полагаем, что с фальсификациями следует бороться прежде всего *в рамках открытых и свободных научных дискуссий (в том числе, и международных)*; при этом все спорящие стороны должны иметь возможность довести свои аргументы до широкой общественности. Общество может и вправе столь же *свободно и открыто дискутировать об осмыслении и оценке исторических фактов*, как известных, так и вновь открывающихся, об их возможных трактовках. Государство же должно лишь обеспечивать возможность таких дискуссий широким и быстрым *рассекречиванием массивов исторических материалов, облегчением доступа к исторической документации, субсидированием архивов, исторических исследований и публикаций* – и ни в коем случае не вмешиваться в их содержание. Обеспечение свободного доступа к историческим источникам, их широкая публикация – лучший способ противодействия фальсификаторам. И никаких специальных новых комиссий для этого вовсе не нужно: достаточно активизировать и сделать эффективной работу комиссии, занимающейся рассекречиванием государственных архивов, во главе которой стоит, между прочим, все тот же Сергей Нарышкин. В частности, например, пересмотреть решение о засекречивании результатов расследования Главной военной прокуратурой РФ «катаинского дела».

Но не будем тешить себя иллюзиями: скорее всего комиссия будет противодействовать не фальсификациям исторических фактов, а *мнениям, оценкам и концепциям*; разумеется, лишь тем из них, которые идут вразрез с правительственной политикой в

области национальной памяти. Именно эти оценки и концепции будут объявлены «наносящими ущерб интересам России»; именно они станут объектом государственного «противодействия». Как такое противодействие будет осуществляться, не трудно себе представить, исходя из богатого отечественного опыта «борьбы с фальсификаторами истории».

Если наши опасения подтвердятся, то подобную комиссию надо будет рассматривать не только как контрпродуктивную, но и как антиконституционную, ибо подобное «противодействие» вводит в государственную практику элементы государственной идеологии – а это прямо запрещено ст. 13 Конституции Российской Федерации.

22 мая 2009 г.

**По поводу реакции руководства
Федерального Собрания РФ
на резолюцию Парламентской
Ассамблеи ОБСЕ
«Воссоединение разделенной
Европы: поощрение прав человека
и гражданских свобод в регионе
ОБСЕ в XXI веке»**

Заявление Международного общества «Мемориал»

Совместное заявление советов палат Федерального Собрания Российской Федерации от 7 июля 2009 года – документ поразительный. Создается впечатление, что авторы этого заявления вообще не читали принятую несколькими днями ранее резолюцию Парламентской ассамблеи ОБСЕ, которую так решительно критируют.

В резолюции нет ничего, что можно было бы интерпретировать как «попытки забыть неудобные факты». Напротив, в ней содержится призыв «ко всем государствам-участникам открыть свои исторические и политические архивы».

Ни одним словом резолюция не задевает память миллионов советских солдат, павших в борьбе с нацизмом. Осуждение преступлений сталинского режима никоим образом не может оскорбить воинов, освобождавших Европу от нацизма, – они не были ни собственностью этого режима, ни частью его. И защищали они свою страну, свою Родину, а не сталинский режим.

Резолюция не содержит даже тени намека на реабилитацию нацистских преступников.

Сталинский и нацистский режимы ставятся в резолюции «на одну доску» в одном-единственном отношении: оба эти режима совершали тягчайшие преступления против социальных, конфессиональных и многих других групп, против целых народов. Эта оценка сомнений не вызывает. Сталинский и нацистский режимы были бесчеловечными и террористическими – на-

роды России, как и многие народы Европы, испытали это на себе в полной мере.

ОБСЕ поддержала предложение Европейского парламента объявить 23 августа Днем памяти жертв обоих режимов. О выборе конкретной символической даты можно и должно спорить. Например, с нашей точки зрения, подписание в этот день советско-германских секретных протоколов 1939 года, посвященных разделу сфер влияния в Восточной Европе (о самих этих протоколах в заявлении палат – ни звука), – не первое, не единственное и даже, возможно, не самое страшное злодеяние сталинского и гитлеровского режимов. Соловки и Колыма, «раскулачивание», следствием которого стал голод 1932–1933 годов, Большой террор, Дахау, Бухенвальд, «Хрустальная ночь», нюрнбергские расовые законы – все это было до августа 1939-го. Да и предыстория Второй мировой войны не сводится только к 23 августа 1939 года – вряд ли у кого-то на этот счет есть сомнения.

И, тем не менее, выбор 23 августа в качестве Дня памяти имеет свои резоны. Соглашение двух диктаторов о разделе между собой целого региона для многих людей было и остается ярчайшим образцом аморальной и циничной политики, символом преступлений, совершенных обоими тоталитарными режимами совместно и порознь.

Сегодня, спустя многие десятилетия, еще не вся правда об этих преступлениях сказана. Многие из этих преступлений до сих пор не получили должной историко-правовой оценки.

Руководителям парламента России – страны, едва ли не больше всех пострадавшей и от нацизма, и от сталинизма, – вместо того, чтобы искать «антироссийские выпады» там, где их нет и в помине, следовало бы озабочиться проблемамиувековечения памяти жертв нацизма и сталинизма, проблемами открытия архивов, хранящих документы о государственном терроре, а также – вместе с парламентариями других европейских стран – содействовать общественному осмыслению преступлений тоталитарных режимов и преодолению их последствий.

12 июля 2009 г.

О преследованиях правозащитных организаций Казани

Заявление Международного общества «Мемориал»

В Казани 20 июля правоохранительными органами парализована деятельность двух известных гражданских организаций – Межрегиональной правозащитной организации АГОРА и Казанского правозащитного центра. Под предлогом поиска налоговых и иных финансовых нарушений у них была изъята вся бухгалтерская документация.

После первого же допроса, состоявшегося 22 июля, стало понятно, что налоговые претензии – не более чем повод. Главный и, по существу, единственный интерес следствие проявляет не к правильности расходования средств, а к источникам финансирования организаций.

Это продолжение тенденции, которая обозначилась не вчера. Сложившееся в умах советских руководителей представление, что получение денег из-за рубежа уже является чуть ли не государственной изменой, оказалось долговечнее Советского Союза. Все чаще высокопоставленные чиновники и государственные СМИ пытаются изобразить правозащитников, получающих поддержку от зарубежных фондов, если не «пятой колонной», то «наймитами Запада».

Несомненно, в большинстве случаев это не искреннее за-блуждение, а старый пропагандистский прием, позволяющий уйти от обсуждения конкретных фактов и проблем с помощью «обличительной» формулы: «кто платит деньги, тот и заказывает музыку». Многократное повторение пошлой сентенции о деньгах и музыке пока не решило ни одной реальной общественной проблемы, но сама фраза нередко производит впечатление на тех, кто не представляет себе характера работы общественных организаций. Многим невдомек, что не фонды (будь то западные или отечественные) нанимают себе общественников-исполнителей для каких-то целей, а, напротив, общественные организации для своих собственных проектов ищут и выбирают спонсоров.

Правозащитные организации не могут зависеть от своих спонсоров – это было бы для них губительно. Они не могут зависеть от государственных денег – поскольку всегда и везде главным нарушителем прав граждан является государство. Во всем мире правозащитные организации опираются на негосударственное финансирование – это один из источников их независимости.

В России, к сожалению, источником поддержки для правозащитных, да и для многих других независимых общественных организаций, оказываются почти исключительно иностранные благотворительные фонды. Это не предпочтение самих гражданских организаций – это следствие обстановки, сложившейся в стране. Получать поддержку от отечественных спонсоров было бы прекрасно, но в сегодняшней России почти никто из серьезных бизнесменов не рискнет помогать правозащитным организациям без одобрения властей.

До последнего времени об одобрении правозащитной деятельности властью нечего было и думать. Сейчас как будто наметились изменения – президент Медведев публично произнес слова о важности и необходимости работы правозащитников, хотя она и доставляет неудобства властям.

Похоже, однако, что российские чиновники не верят в искренность президента. Похоже, они думают, что его слова – это просто ритуальные фразы для западных партнеров. Во всяком случае, такое впечатление производят события, происходящие в Казани.

Мы со своей стороны убеждены, что подлинные интересы страны представляют не квазипатриоты – борцы с «иностранным влиянием», а правозащитники, которые помогают гражданам защищать права от произвола отечественных чиновников. Именно это весьма успешно делают Межрегиональная правозащитная организация АГОРА и Казанский правозащитный центр.

Мы возмущены изъятиями документов в правозащитных организациях Казани и требуем их немедленного возвращения. Мы выражаем солидарность нашим коллегам. Мы надеемся, что в ближайшее время они смогут вернуться к систематической работе.

24 июля 2009 г.

Урок Натальи Эстемировой

Утром 15 июля 2009 года в центре Грозного, у подъезда своего дома, была похищена правозащитница Наталья Эстемирова. Через несколько часов она была найдена убитой.

Руки у нее были связаны, убили ее двумя выстрелами в грудь и двумя выстрелами в голову.

* * *

Защита прав человека нигде и никогда не относилась к числу комфортных занятий.

В любой, даже самой демократической стране человек, выступающий против государства в защиту прав личности, может столкнуться с проблемами. Чем меньше в стране демократии и закона, тем больше этих проблем.

В советские времена правозащитников, да и просто инакомыслящих, отправляли в лагеря и психушки. Сейчас такое почти не случается – увы, это не значит, что отстаивать права личности стало безопаснее. Это со всей очевидностью показывают убийства критиков власти. Жертвами становятся не политики, не конкуренты в предвыборной борьбе (которой в России практически и нет), а те, кто разоблачает преступления власти.

Уровень законности – или, вернее, беззакония – в России сейчас таков, что из множества преступлений, совершенных против мирных жителей Чечни, расследованы были очень немногие. Случаев же, когда за похищение и убийство мирного жителя судом было назначено реальное, а не условное наказание – и вовсе единицы.

По одному из самых громких таких дел добились проведения расследования и осуждения преступников Анна Политковская, Станислав Маркелов и Наталья Эстемирова.

Теперь убиты все трое.

Неверно было бы связывать их смерть только с делами об убийствах. Они расследовали и предавали огласке многие преступления, совершенные представителями разных силовых структур.

Станислав Маркелов отстаивал интересы потерпевших в суде.

Анна Политковская публиковала статьи, вызывавшие постоянное раздражение у властей Чечни и России. Циничные и оскорбительные слова тогдашнего президента Путина по поводу гибели Политковской, произнесенные в день ее похорон, вряд ли когда-нибудь будут забыты.

Наталья Эстемирова собирала информацию о нарушениях прав человека. О самых разных – от невыплаты пособий на детей до похищений, от незаконного выселения до убийств. Она это делала на протяжении многих лет, во время войн и в дни мирных передышек. Она добиралась до самых опасных мест, чтобы все увидеть самой.

Информация, собранная ею, лежит в основе докладов «Мемориала», отчетов других гражданских организаций. Этой информацией широко пользовались журналисты, она не раз становилась основанием для рассмотрения дел в Страсбургском суде.

Одно из последних преступлений власти, о котором сообщила Наташа буквально за несколько дней до гибели, – публичная бессудная казнь в селе Ахкинчу-Борзой: человека, заподозренного в связях с боевиками, расстреляли на глазах односельчан. Этих бессудных казней, иногда замаскированных под «спецоперации», становится все больше.

Конечно, Наташа была в опасности все эти годы. Расследовать преступления – рискованное занятие, тем более когда преступникам покровительствует власть и попустительствует правосудие.

Она могла остаться в стороне, потому что на Урале, в тысячах километров от Чечни, у нее есть родня, там у нее вторая родина.

Но она не стала равнодушным зрителем.

Наверное, не случайно она была учительницей. Настоящего учителя отличают чувство ответственности за окружающих и готовность прийти на помощь. Наташа обладала этими качествами в исключительной степени. Именно поэтому она осталась жить и помогать людям там, куда большинство не поедет даже в командировку.

Чувство ответственности за окружающих делало ее бесстрашной в общении с властями – как гражданскими, так и

военными. В Чечне, правда, трудно разобрать, где какая власть. Да и отличить сотрудников правоохранительных органов от бандитов там тоже бывает нелегко, не только по экипировке, но и по действиям. Вся «стабильность», о которой наперебой говорят и федеральные власти, и президент Чечни Рамзан Кадыров, заключается в том, что люди боятся открыть рот. Не случайно соседи, видевшие, как похищают Наташу, никуда не сообщили о похищении – не сомневались, видимо, чьих это рук дело.

Если пользоваться журналистскими штампами, то смерть Натальи Эстемировой – это гибель на передовой. Эту позицию – самую тяжелую и опасную – она выбрала сама.

Штамп, как всегда, неточен: на передовую люди попадают с оружием в руках, а Наташа была безоружна и беззащитна. Вряд ли можно считать серьезной защитой удостоверение члена экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в России.

Живые всегда виноваты перед ушедшими. Сейчас думается – наверное, надо было уговорить Наташу уехать из Чечни, хотя бы на время. Но убедить ее в необходимости отъезда было нелегко. Она вела себя как свободный человек – свободный, в том числе, и от собственного страха, – и других побуждала к тому же и словом, и собственным примером. Она учila людей не бояться.

Этот главный урок учительницы Натальи Эстемировой адресован не только Чечне, но всем нам.

Будем надеяться, что мы способны усвоить этот урок.

Сергей Ковалев,
Председатель Российского общества «Мемориал»

Август 2009 г.

О надписи на станции метро «Курская»

Мэру Москвы Ю.М.Лужкову

Уважаемый Юрий Михайлович!

25 августа 2009 года Ваши подчиненные нанесли тяжкое оскорбление Москве, ее жителям, всему народу России. Восстановление в интерьере станции «Курская» текста, восхваляющего Иосифа Сталина, – это плевок на могилы миллионов убитых им людей, среди которых и несколько десятков тысяч безвинно расстрелянных москвичей.

До сих пор не опубликованы полные списки имен москвичей – жертв коммунистического режима, а деятели столичного метрополитена уже спешат увековечить имя их палача.

Сами слова «Нас вырастил Сталин на верность народу» не должны быть терпимы в демократической стране, такие фразы рождаются только при диктатуре.

Строки, воспевающие тирана, были убраны по решению его родной коммунистической партии уже в 1950-е годы, когда еще и десятой доли не было известно о его преступлениях. Теперь весь мир будет оценивать направление развития страны по тому факту, что нынешние власти – если не страны в целом, то, по крайней мере, Москвы – готовы вновь публично прославлять имя одного из главных преступников XX века.

Нам не хочется думать, что Вы знали об этой отвратительной затее.

Мы требуем немедленной ликвидации позорной надписи.

Мы требуем незамедлительного публичного расследования: кто и по какому праву принял это возмутительное решение*.

Правление Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»

Правление Историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Московский Мемориал»

30 августа 2009 г.

*Вместо того, чтобы убрать со стены вестибюля станции «Курская» строчки из советского гимна о Сталине, в ночь на 24 октября 2009 г. по указанию руководства метрополитена к ним были дописаны недостающие строки четверостишия: «Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, И Ленин великий нам путь озарил».

К 70-летию 17 сентября 1939 года

Заявление Международного общества «Мемориал»

23 августа – 1 сентября – 17 сентября – эта триединная дата навеки соединила имена двух диктаторов. Договор между Сталиным и Гитлером и последовавшие за этим договором события – вторжение в Польшу сначала Вермахта, а затем и Красной Армии – относятся к числу самых позорных страниц европейской истории.

Аморальность пакта Молотова–Риббентропа была очевидна с самого начала, даже для большевистского руководства. Не случайно дополнительные протоколы к нему были засекречены, а само их существование в течение пятидесяти лет яростно отрицалось советской властью.

Даже если бы пакт и секретные протоколы к нему остались на бумаге и не имели никаких политических последствий, они все равно были бы аморальны: разговор о разграничении «сфер влияния» и «зон интересов» – это разговор двух хищников, опирающихся на силу и не уважающих свободу народов. Но пакт от 23 августа имел политические последствия. Среди этих последствий – раздел территории довоенной Польши между Третьим Рейхом и Советским Союзом, утрата независимости тремя балтийскими странами, агрессивная война против Финляндии, за которую СССР в 1939 году был исключен из Лиги Наций. Массовые «чистки» и депортации на присоединенных к СССР территориях – это тоже последствия пакта.

Попытки возложить вину за эти преступления на советский народ и, тем более, на современную Россию – несостоятельны. Население СССР понятия не имело, что так называемый договор о ненападении на самом деле был пактом о разделе Восточной Европы. Советские граждане не стремились ни к «расширению жизненного пространства», ни к порабощению соседних народов. Они не подписывали и не одобряли секретные протоколы – они просто не знали о них. Ответственность за резкое изменение политики в отношении гитлеровской Германии, за переход к «дружбе, скрепленной кровью», лежит не

на народе, а на Сталине и его компаньонах по Политбюро. Не народ, а Сталин с 1939 по 1941 год был добросовестным партнером Гитлера. Народам же Советского Союза пришлось исправлять последствия преступной политики Сталина ценой десятков миллионов жизней и немыслимых лишений.

Дать точную оценку сталинской внешней политике 1939–1941 годов, раскрыть всю правду о ней – это долг России перед самой собой, перед миром, перед будущими поколениями.

Все это вещи очевидные и общеизвестные. Однако, как ни удивительно, в России появляется все больше политиков, которые оправдывают партнерство Сталина с Гитлером в 1939–1941. Накануне 70-летия начала Второй мировой войны российские телеканалы, да и некоторые государственные чиновники развернули масштабную пропагандистскую кампанию по оправданию советско-германского пакта от 23 августа 1939 года.

Попытки создать из реальной отечественной истории гла- мурную картинку – это средство с грехом пополам годится для внутреннего употребления. У внешнего мира такая картинка вызывает заслуженное неприятие. Чем дольше российские власти уклоняются от честных оценок прошлого, тем сильнее негативный эффект, тем больший урон наносится авторитету России, тем сильнее недоверие к сегодняшней России.

На этом фоне нельзя не приветствовать тот факт, что в недавней статье премьер-министра Российской Федерации Путина, опубликованной в польской «Газете Выборчей», пакт Молотова–Риббентропа назван «аморальным». Однако то, что в статье никак не упомянуты секретные протоколы и последовавшие за ними события, трагические для народов Восточной Европы, вряд ли способствует укреплению доверия между Россией и ее соседями.

Полуправда всегда коварна – и подчас оскорбительнее прямой лжи.

Именно взаимное недоверие сделало невозможной систему коллективной безопасности в Европе перед Второй мировой войной.

В отличие от ситуации 70-летней давности, нынешнее недоверие в значительной мере основано на разных трактовках истории. Преодолеть это недоверие довольно просто: достаточно сказать правду до конца и полностью открыть для исследо-

вателей все материалы, хранящиеся в архивах разных стран и касающиеся предвоенной эпохи.

Пока это не сделано, все призывы к созданию новых систем коллективной безопасности, и в первую очередь призывы, исходящие от России, – не будут восприниматься всерьез.

16 сентября 2009 г.

О деле историков-архивистов в Архангельске

Заявление Международного общества «Мемориал»

Уголовное дело, возбужденное против заведующего кафедрой Поморского государственного университета профессора М.Н.Супруна и начальника Информационного центра Управления внутренних дел Архангельской области полковника А.В.Дударева, выглядит совершенно нелепо. Профессора Супруна обвиняют в сборе архивных материалов для базы данных о поляках и немцах, высланных на спецпоселение в Архангельскую область в 1940-х годах, а полковника Дударева – в том, что предоставил ему такую возможность. Иными словами, первого – в том, что занимался своей профессиональной деятельностью, а второго – в выполнении своего служебного долга.

Основания для возбуждения дела абсурдны: сведения о спецпереселенцах интерпретированы следователем как «личная тайна», а включение этих сведений в базу данных как «нарушение личной тайны». Между тем, информация, которую собирали сотрудники Поморского университета по материалам архива Архангельского Информационного центра УВД, ничем не отличается от информации, представленной в большинстве изданных на территории России Книг памяти жертв политических репрессий. Это основные биографические данные – дата и место рождения, дата и характер репрессии, профессия, семейное положение и т.д. Таких Книг памяти в России создано около трехсот, данные из них объединены на CD-диске, изданном «Мемориалом», где содержится более 2,5 миллиона имен.

В Книгах памяти погибших во время Великой Отечественной войны и в соответствующей общедоступной базе данных Министерства обороны имен намного больше – около десяти миллионов; и справки о людях здесь также включают не только даты рождения и гибели, но и многие другие сведения – место проживания до призыва, сведения о составе семьи, и т.д.

Такого же рода сведения содержатся в любых исторических справочниках и энциклопедиях, во многих комментированных историко-документальных сборниках.

Если руководствоваться представлениями архангельских следователей о личной тайне, то надо срочно изъять из обращения все эти издания, а против их составителей и редакторов возбудить уголовные дела. Разумеется, такое трудно вообразить. Необоснованность обвинения очевидна. Ссылка на Закон о защите персональных данных полностью несостоятельна: уже в первой статье этого Закона сказано, что он не имеет отношения к архивной информации. Напомним вдобавок, что публикация имен прямо предписана Законом о реабилитации жертв политических репрессий.

Мы уверены, что если возмутительное архангельское дело и дойдет до суда, то немедленно будет прекращено за отсутствием состава преступления.

Однако сам факт возбуждения подобного дела, сопровождающие его обыски, изъятие компьютеров и копий исторических документов могут серьезно осложнить работу исследователей отечественной истории и, в частности, публикаторов Книг памяти. Вряд ли кто-то из историков захочет заниматься этой трудной работой, если она будет сопряжена еще и с риском преследования со стороны правоохранительных органов. А архивные руководители, со своей стороны, могут воспринять возбужденное в Архангельске дело как некий адресованный им сверху сигнал (хочется надеяться, что оно все же таковым не является) и перестанут идти на сотрудничество с научными и общественными организациями в работе по составлению Книг памяти жертв.

В результате работе над Книгами памяти жертв может быть нанесен непоправимый урон.

Архангельское дело вызывает особую тревогу в контексте наметившихся в последнее время тенденций к обелению сталинизма и замалчиванию преступлений коммунистического режима. Впрочем, возможно, что оно – «всего лишь» острый рецидив мании секретности, унаследованной от Советского Союза. Но это заболевание крайне опасно: закрывая доступ в архивы, Россию лишают ее истории, лишают памяти – основы нормального национального самосознания.

Работа М.Н.Супруна и А.В.Дударева направлена как раз на восстановление правды об отечественной истории и должна

получать всемерную поддержку государства, а не подвергаться необоснованным преследованиям.

Мы требуем немедленного возвращения изъятых при обысках копий архивных документов, баз данных и компьютеров.

Мы требуем прекращения уголовного дела против М.Н.Супруна и А.В.Дударева*.

7 октября 2009 г.

* Следствие по делу М.Н.Супруна – А.В.Дударева тянется уже более года. Дело ведет Следственный отдел СКП по СЗФО. Обвинение до сих пор не предъявлено. Супрун и Дударев до сих пор находятся в статусе подозреваемых. По версии следствия, Супрун «незаконно собрал сведения о пяти тысячах спецпоселенцев, составляющих их личную и семейную тайну, без их согласия и согласия родственников» (ст.137, ч.1 УК РФ – незаконное собирание сведений о частной жизни лица); А.В.Дударева следствие подозревает в превышении полномочий (ст.286 ч.1 УК РФ), выразившееся в допуске исследователей к архивным документам спецпоселенцев. А.В.Дударев был вынужден выйти в отставку. Дело вызвало широкие протесты общественности и историков в России и во всем мире. (Прим. ноября 2010 г.)

Уважение к памяти – на словах и на деле

Заявление Международного общества «Мемориал»

В апреле 2006 года по требованию московской общественности бывший дом Военной коллегии Верховного суда СССР на Никольской улице был признан вновь выявленным объектом культурного наследия. Это позволило спасти дом от уже запланированного сноса и строительства на этом месте развлекательного центра.

Но 22 декабря 2009 года Межведомственная комиссия Правительства Москвы под председательством вице-мэра В.И.Ресина отказалась Расстрельному дому на Никольской в статусе памятника регионального значения, вновь поставив дом под угрозу сноса или замены муляжом.

Если мэр Москвы Ю.М.Лужков согласится с решением комиссии, то без защиты окажется уникальный памятник отечественной истории.

Дом на Никольской – это не рядовой памятник архитектуры. Его стены слышали последние слова тысяч людей, приговоренных здесь к расстрелу высшим органом советского беззакония. Если говорить о сохранении памяти о коммунистическом терроре – вряд ли на всей территории бывшего Советского Союза найдется сооружение более символичное. Общественностью, и «Мемориалом» в том числе, вопрос о создании в этом доме музея памяти жертв политических репрессий ставился уже в 1989 году. Эта идея не утратила актуальности и сегодня – в отличие от многих посткоммунистических стран Россия до сих пор не выполнила долг памяти перед миллионами бессинно погибших.

В своем заявлении 30 октября 2009 года, в День памяти жертв политических репрессий, Президент России Д.А.Медведев справедливо подчеркнул, что память о трагедиях столь же священна, как и память о победах. Мы убеждены, что дом Военной коллегии – неотъемлемая часть этой памяти и имеет значение не только для Москвы, но для всей страны.

Однако ситуация с этим домом заставляет предполагать, что слова руководителей страны об уважении к трагическим страницам нашей истории – не более чем слова.

Мы обращаемся к мэру Москвы с призывом не утверждать возмутительное решение Межведомственной комиссии. Мы надеемся, что дом, столь трагически и неразрывно связанный с нашей историей, будет сохранен.

Мы уверены, что рано или поздно в здании Военной коллегии на Никольской, 23 будет создан общенациональный Музей памяти жертв. Но это дело будущего. Сейчас необходимо одно – сохранить подлинное здание. Это возможно только при условии придания ему статуса объекта культурного наследия – регионального, а лучше – федерального значения. Иное решение – оскорблениe памяти жертв, позор и для Москвы, и для России*.

25 декабря 2009 г.

* Результатом этого заявления и ряда акций, организованных «Мемориалом» совместно с другими общественными организациями, стало полученное в феврале 2010 г. письмо из Москкомнаследия, где сообщалось, что дом на Никольской остается в списке выявленных объектов культурного наследия. От уничтожения дом на какое-то время защищен, но вопрос о создании в нем музея решить не удается.

О портретах Сталина к годовщине Победы

Заявление Международного и Московского общества «Мемориал»

Чиновники из московской мэрии заявили о намерении вывесить в городе к 65-й годовщине Победы портреты Сталина.

Как обычно, неизвестно, кто именно и на каком уровне принял это решение – но ясно, что изготовлены портреты будут за деньги налогоплательщиков, в том числе и тех, кто лишился родных по вине диктатора.

Однако дело не в деньгах, и не в том, что часть приглашенных на празднества, вероятно, не захочет приехать в город, украшенный столь сомнительным образом.

Появление портретов Сталина в День Победы оскорбляет память павших.

Советские солдаты шли в бой не потому, что им приказал вождь, и не затем, чтобы защитить политбюро с генеральным секретарем в Кремле. Они защищали Родину от иноземного нашествия, защищали страну, которую коммунистические вожди поставили на грань катастрофы.

Стойкость, мужество и подвиги людей, защищавших Родину в годы войны, были и остаются духовным наследием всего народа, и никто не вправе распоряжаться этим наследием по своему усмотрению. Попытка переписать это наследие на имя Сталина – не что иное, как мародерство и кощунство.

Вдвойне кощунственно намерение развесить портреты Сталина на местах сборных пунктов дивизий народного ополчения. История народных ополчений – штатских людей, почти безоружных, безжалостно брошенных в мясорубки под Москвой, Киевом, Ленинградом и почти поголовно погибших, – сама по себе представляет отдельный обвинительный акт против «великого полководца всех времен и народов». Неужели апологеты Сталина из московской мэрии всерьез рассчитывают, что москвичи не помнят, как именно погибли их отцы и деды?

Стараниями московских чиновников имя Сталина уже красуется под сводами станции метро «Курская». Никто из чиновников не вспомнил, естественно, ни о судьбе расстрелянного с санкции Сталина первого начальника метрополитена А.А.Петровского, ни о судьбах еще сотен метростроевцев, казненных или отправленных в лагеря.

Затея с портретами – продолжение ползучей реабилитации сталинизма.

Затейники из рекламного комитета не собираются вспоминать о том, что действительно было целиком делом рук Сталина – ни о массовом терроре в армии в 1937–1938 годах, уничтожившем десятки тысяч военнослужащих – от рядовых до маршалов, ни о предвоенном союзе с Гитлером, прямым следствием которого стала трагедия лета–осени 1941 года, ни о миллионах жизней, которыми народ в течение всей войны расплачивался за преступления и ошибки вождя.

Народ выиграл войну несмотря на все преступления Сталина.

Победа досталась чудовищной ценой, которую еще до сих пор не подсчитали сполна.

Главный смысл празднования Дня Победы – высказать слова признательности тем, кто на самом деле добывал эту Победу. Их, увы, осталось уже совсем немного. Они, и только они должны быть в центре внимания в этот день.

Если портреты Сталина действительно появятся на улицах Москвы, то мы сделаем все зависящее от нас, чтобы одновременно с ними появились другие плакаты, стенды и постеры, рассказывающие о преступлениях тирана и о его истинном месте в истории Великой Отечественной войны. Уверены: сотни москвичей – детей и внуков фронтовиков, тех, кому действительно принадлежит Победа, – помогут нам в этом*.

2 марта 2010 г.

* Под давлением общественности в самый последний момент мэрия была вынуждена отказаться от своей затеи.

К 70-летию Катынского расстрела

Президенту Российской Федерации
Д.А.Медведеву

Уважаемый господин Президент!

70 лет назад, 5 марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.Сталиным приняло решение, по которому в апреле—мае того же года были расстреляны без суда 14,5 тысячи польских офицеров и полицейских, содержавшихся в трех лагерях военнопленных НКВД СССР в Козельске, Осташкове и Старобельске, а также 7,3 тысячи арестованных, содержавшихся под следствием в тюрьмах западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР.

Катынь, до 1991 года бывшая единственным достоверно установленным местом гибели части казненных, стала символом этого злодеяния.

Катынское преступление – это не только убийство весной 1940 года почти 22 тысяч польских граждан. Это еще и полвека лжи и фальсификаций, когда Советский Союз вопреки очевидным фактам отрицал свою ответственность за уничтожение польских военнопленных и пытался убедить весь мир и собственных граждан, что преступление – дело рук гитлеровцев. Ситуация изменилась лишь в 1990 году, когда Президент СССР М.С.Горбачев передал Президенту Польши В.Ярузельскому поименные списки военнопленных, отправленных на казнь, и некоторые другие документы, свидетельствующие, что операция по уничтожению польских граждан была осуществлена НКВД СССР.

Тогда же было возбуждено уголовное дело, принятое к расследованию Главной военной прокуратурой под № 159.

В 1992 году по распоряжению президента России Б.Н.Ельцина были обнародованы документы, изобличающие руководство СССР в совершении катынского преступления.

На важнейшем из этих документов – записке наркома внутренних дел Берии в ЦК ВКП(б) Сталину с предложением расстрелять польских военнопленных и узников тюрем «исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти» – после резолюции «За» значатся собственноручные подписи И.Сталина, К.Ворошилова, В.Молотова, А.Микояна и отметки о голосовании «за» М.Калинина и Л.Кагановича.

В 2000 году в местах захоронений расстрелянных военнопленных в Катынском лесу и около села Медное в Тверской области были открыты мемориальные кладбища (тогда же было открыто мемориальное кладбище в Харькове). Казалось, что лжи и недомолвкам в вопросе о Катыни пришел конец, что для недоверия к нашей стране больше не будет оснований.

Однако в 2004 году уголовное «катынское» дело № 159 Главной военной прокуратурой было прекращено. При этом основные материалы дела, включая и постановление о его прекращении, были засекречены Межведомственной комиссией по защите государственной тайны, деятельностью которой руководит Президент Российской Федерации.

Засекречивание материалов «катынского дела» очевидным образом нарушает действующий российский Закон «О государственной тайне», который не позволяет относить к государственной тайне и засекречивать сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами.

Несмотря на это Главная военная прокуратура и Межведомственная комиссия по защите государственной тайны по сей день отказываются отменить свое решение о засекречивании.

По сей день Главная военная прокуратура отказывается исполнять действующий российский Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», утверждая вопреки очевидности, что политический мотив и даже сам факт расстрела в отношении каждого отдельного военнопленного не может быть установлен.

Ссылаясь на секретность, Главная военная прокуратура отказалась назвать имена тех, кого она признала виновными, сообщив позже лишь то, что это «отдельные лица из числа руко-

водства НКВД СССР», действия которых квалифицированы по п. «б» ст. 193-17 УК РСФСР (1926 г.) как «превышение власти, имевшее тяжелые последствия при наличии особо отягчающих обстоятельств».

Таким образом, Сталин и члены Политбюро, принявшие решение о массовом расстреле польских граждан, признаны невиновными в «катаинском преступлении», которое ранее в заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 года было названо «одним из тяжких преступлений сталинизма». А само преступление, совершенное по указанию руководства СССР и фактически являвшееся актом государственного терроризма, теперь квалифицируется как превышение власти отдельными руководителями ведомственного уровня, иначе говоря как их самоуправство.

С нашей точки зрения, бессудные расстрелы военнопленных и гражданских лиц должны быть квалифицированы в соответствии с пунктами «б» и «с» статьи 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге – как военное преступление и преступление против человечности.

Прекращение расследования «катаинского дела», засекречивание его материалов, вопиюще неадекватная правовая оценка, данная Главной военной прокуратурой, отказ признать расстрелянных жертвами политических репрессий воспринимаются общественным мнением внутри страны и за рубежом как отказ от продвижения к правде, начатого в 1990-е годы. Попытки реанимировать сталинскую фальсифицированную версию событий предпринимаются не только в желтой прессе, но и с трибуны парламента. В результате тень преступлений и лжи сталинского режима ложится на сегодняшнюю Россию.

Уважаемый господин Президент, в этой ситуации мы призываем Вас использовать имеющиеся у Вас полномочия и действовать следующим безотлагательным шагам:

1. Отмена решения Межведомственной комиссии по защите государственной тайны от 22 декабря 2004 года о засекречивании материалов «катаинского» уголовного дела №159;

2. Возобновление расследования уголовного «катаинского» дела с целью процессуального установления полного персонального состава всех жертв расстрела – как военнопленных, так и заключенных, установления (совместно с органами прокуратуры Украины и Республики Беларусь) мест захоронения расстрелянных узников тюрем Западной Украины и Западной

Белоруссии, процессуального установления исчерпывающего состава виновных, включая лиц, принявших решение о расстреле польских военнопленных и узников тюрем, а также организаторов этой преступной операции и ее исполнителей всех уровней, точной и полной юридической квалификации совершенных преступлений в соответствии с нормами российского и международного права;

3. Поименная реабилитация в соответствии с российским законом «О реабилитации жертв политических репрессий» всех расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года.

В апреле 2010 года на мемориальных кладбищах в Катынском лесу и около села Медное должны состояться совместные польско-российские траурные церемонии, посвященные 70-й годовщине Катынского расстрела. Известно, что для участия в церемонии в Катыни премьер-министр России В.В.Путин пригласил премьер-министра Польши Д.Туска. Мы искренне приветствуем высокий государственный статус этого мероприятия, а также факт, что его инициатором стала российская сторона.

И все же, учитывая важность и болезненность вопроса, мы считаем необходимым личное участие в этой церемонии Президента России. Или, если по каким-то причинам это невозможно, публичное заявление Президента России по поводу Катынского расстрела.

По нашему мнению, ясное и недвусмысленное осуждение преступления, совершенного государственными органами Советского Союза по решению его руководства, заявление о намеченных шагах, которые необходимо осуществить, чтобы вывести «катаинское дело» из тупика, могли бы стать переломным моментом в отношениях России и Польши.

Такое заявление необходимо не только ради репутации России в мире. Гораздо важнее, что оно нужно для успешного будущего нашей страны, которое невозможно без честной оценки тоталитарного прошлого.

Правление Международного общества «Мемориал»
5 марта 2010 г.

Опыт Аргентины важен для нас

Заявление Международного общества «Мемориал»

21 апреля в Аргентине свершилось правосудие по отношению к тем, кто в годы военной диктатуры направлял и осуществлял государственный террор.

Военная хунта находилась у власти в Аргентине с 1976 по 1983 год. За это время только по официальным данным были убиты или пропали без вести около 13 тысяч человек. По данным правозащитных организаций, число погибших и «исчезнувших» – не менее 30 тысяч. Идеологи и руководители государственного террора оправдывали эту преступную практику необходимостью борьбы с хаосом в стране, с терроризмом и с экстремизмом радикальных группировок.

В 1982–1983 годах военную хунту возглавлял Рейнальдо Биньоне, ранее командовавший военной базой Кампо Майо – местом, куда доставляли похищенных людей, где их держали и пытали и откуда они затем бесследно исчезали. И вот теперь Рейнальдо Биньоне приговорен к 25 годам тюремного заключения. Вместе с ним к тюремным срокам от 17 до 25 лет осуждены еще пятеро бывших высокопоставленных военных. Они признаны виновными в похищениях людей, незаконном лишении свободы, пытках и бесследных казнях.

Международное общество «Мемориал» считает состоявшийся суд чрезвычайно важным прецедентом. Преступления против человечности не имеют срока давности. Виновные в этих преступлениях должны быть наказаны вне зависимости от должностей, которые они занимали или занимают, и от политических обстоятельств, мешающих осуществлению правосудия.

Аргентинская диктатура пала 27 лет назад. Все это время те, кто требовал правосудия, сталкивались с постоянным противодействием. Им предлагали забыть о государственном терроре ради «национального единства». Виновных в преступлениях пытались вывести из-под ответственности, поскольку они-де

«исполняли приказы». Однако аргентинское общество помнило о жертвах и сознавало: страна не сможет двигаться вперед, не назвав преступление преступлением и не призвав преступников к ответу.

Решение суда, вынесенное в Аргентине, заставляет нас взглянуться в ситуацию в собственной стране.

Организаторы и руководители государственного террора в СССР так и не были наказаны. Деяниям преступников, виновных в гибели миллионов людей, в России до сих пор так и не дана четкая и недвусмысленная правовая оценка.

Не потому ли остаются безнаказанными и преступления, совершенные в новую, постсоветскую эпоху? В первую очередь мы имеем в виду преступления, которые творились и до сих пор творятся под лозунгом «борьбы с терроризмом» на Северном Кавказе, – похищения, пытки, внесудебные казни и исчезновения людей. Только в Чечне с 1999 года жертвами насильственных исчезновений стали более трех тысяч человек, задержанных или похищенных представителями государства. Наиболее массовые «исчезновения» пришли на 2000–2005 годы, но эта преступная практика не прекратилась до настоящего времени.

Мы верим, что виновные в этих преступлениях против человечности рано или поздно предстанут перед судом. Их деяния, так же, как и действия аргентинского диктатора, не имеют срока давности и так же не останутся безнаказанными.

Поэтому приговор, вынесенный в Аргентине, так важен для нас.

23 апреля 2010 г.

Необходимо полное и гласное расследование катынского преступления

Президенту Российской Федерации
Д.А.Медведеву

Уважаемый господин Президент!

Сделанные в апреле—мае с. г. Вами, а также премьер-министром В.В.Путиным заявления о катынском деле, в которых расстрел польских граждан назван преступлением тоталитарного режима, виновниками которого являются Сталин и его приспешники, чрезвычайно важны — преодоление наследия сталинизма жизненно необходимо нашей стране. Очень важным мы считаем и опубликование по Вашему указанию на общедоступном сайте Федерального архивного агентства документов, изобличающих сталинское руководство СССР в принятии решения о совершении этого злодеяния. Эти шаги имеют огромное значение для донесения правды о катынском преступлении до самых широких кругов граждан России.

Тем более странным и подрывающим доверие к заявлению российского руководства выглядит письмо из Главной военной прокуратуры (ГВП) от 9 апреля с. г., полученное в ответ на наше предыдущее обращение к Вам от 2 марта 2010 года. В этом обращении мы просили Вас предпринять ряд конкретных действий, которые, по нашему убеждению, способствовали бы разрешению «катынской проблемы». В частности, мы говорили о необходимости поименного признания всех лиц, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года, жертвами политических репрессий в соответствии с действующим российским Законом «О реабилитации жертв политических репрессий».

В ответ на это ГВП повторяет прежнее свое утверждение о якобы отсутствии материалов, подтверждающих применение «меры государственного принуждения» — то есть в данном случае расстрела — к каждому в отдельности из польских во-

еннопленных. Это утверждение противоречит наличию целого комплекса официальных материалов, включающего в себя, в частности, советские архивные документы, ставшие известными в начале 1990-х годов, в том числе составленные НКВД СССР в 1940 году поименные списки военнопленных, многие из которых были опознаны в 1943 и 1991 годах в ходе эксгумаций в местах захоронения в Катынском лесу, около села Медное под Тверью и на окраине Харькова.

Такое утверждение ГВП свидетельствует, что следствие по «катынскому» делу № 159, прекращенное 21 сентября 2004 года, не изучило все имеющиеся доказательства и не выполнило одну из основных задач расследования любого уголовного дела, а именно задачу установления полного персонального состава потерпевших (в данном случае жертв расстрела). Теперь для решения этой важнейшей задачи потребуется возобновление дела.

Этим, однако, не ограничиваются претензии к следователям ГВП.

Из письма ГВП следует, что ответственными за совершение преступления были признаны должностные лица НКВД СССР (имена которых засекречены вместе с постановлением о прекращении дела), а их действия квалифицированы по п. «б» ст. 193-17 УК РСФСР (1926 г.) как превышение власти, имевшее тяжелые последствия.

И определение круга ответственных, и квалификация преступления вопиющим образом противоречат обстоятельствам дела.

Статья 193-17 предусматривает ответственность за превышение власти только лиц начальствующего состава РККА (и приравненных к ним чинов НКВД). Квалифицировав преступление по этой статье, Главная военная прокуратура сознательно исключила высшее партийно-государственное руководство СССР из числа соучастников.

ГВП демонстративно проигнорировала решающее участие в преступлении Сталина, Молотова и других, давших санкцию на расстрел польских граждан. Свидетельствующий об этом документ с собственноручными подписями членов Политбюро, опубликованный в апреле с. г. на сайте Федерального архивного агентства, прекрасно известен ГВП.

Его копия, вместе со всеми необходимыми экспертизами, имеется в материалах дела № 159 еще с начала 1990-х годов.

Нет сомнений, что квалификация катынского преступления по ст. 193-17 недобросовестна. Но для того чтобы переквалифицировать обвинение, надо возобновить расследование, а по утверждению ГВП о возобновлении расследования речь не может идти, поскольку истек 10-летний срок давности по этой статье.

Видимо, создав такой порочный круг, ГВП считает свою позицию неуязвимой.

Уважаемый господин Президент, в связи с изложенным обращаемся к Вам с просьбой дать указание Генеральному прокурору Российской Федерации о назначении проверки качества расследования Главной военной прокуратурой уголовного «катынского» дела № 159 в части установления полного personalного состава потерпевших, исчерпывающего персонального состава участников преступления и в части адекватной юридической квалификации их деяний, а также, по результатам проверки, о возможном возобновлении расследования указанного дела.

Мы убеждены, что добросовестное, полное и максимально гласное расследование катынского преступления необходимо не только для нормализации российско-польских отношений, но прежде всего для того, чтобы тень сталинских преступлений не ложилась на современную Россию.

Правление Международного общества «Мемориал»
25 мая 2010 г.

О дополнениях к закону о ФСБ

Заявление Международного общества «Мемориал»

9 июля Государственная Дума приняла во втором чтении законопроект, наделяющий ФСБ правом использовать в целях так называемой профилактики (то есть для предотвращения еще не совершенных преступлений) новый рычаг воздействия: *предостережение*, выносимое органами государственной безопасности «физическими лицам», то есть отдельным гражданам.

На самом деле в профилактике преступлений, в том числе и тех, которыми занимается ФСБ, нет ничего нового. О профилактике как основном направлении работы КГБ впервые заговорил еще Н.С.Хрущев на XXI съезде КПСС; профилактике уделено значительное место в «основополагающем» приказе Председателя КГБ А.Шелепина «О задачах органов государственной безопасности» от 15 июля 1959 года. А спустя еще 13 лет, 25 декабря 1972 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия». Предостережение объявлялось лицам, совершившим «антиобщественные действия, противоречащие интересам государственной безопасности СССР, *если они не влекут уголовной ответственности*». Трудно вообразить, чтобы Указ от 25 декабря 1972 года помог предотвратить хотя бы одно реальное преступление. Однако нам известны многие десятки случаев, когда «предостережение» выносилось инакомышляющим советским гражданам каким-то образом публично проявившим свое инакомыслие.

Абсолютно аналогичный подход к профилактике преступлений демонстрирует и сегодняшний законопроект: он позволяет ФСБ объявлять гражданам официальное предостережение «о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений» — «*при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности*». Юридическая мысль российских законодателей вернулась в старое советское русло.

Полномочия Федеральной службы безопасности в нашей стране давным-давно вышли за всякие разумные рамки. ФСБ в России – больше, чем спецслужба; она наделена даже правом вести следствие по ряду преступлений. Теперь к ФСБ отходит еще одно полномочие прокуратуры – профилактика. Это событие носит не столько практический, сколько знаковый характер.

Мы не ставим под сомнение полезность и уместность профилактики преступлений как таковой. Теоретически профилактика преступлений – вполне благородная и гуманная задача: остановить человека, находящегося на грани совершения преступных деяний, объяснить ему возможные последствия его действий и тем предотвратить преступление – куда как лучше, чем отправлять его за решетку. (В 1959 году переориентация КГБ на профилактику и была задумана как одна из мер, которые должны были положить конец репрессивной кампании 1957–1958 годов, последовавшей за венгерскими событиями.)

Однако попытки юридически регламентировать профилактическую работу заведомо бессмысленны. В обыденной жизни мы можем говорить о действиях, находящихся «на грани преступления»; но с точки зрения основных принципов права таких действий нет и не может быть. Человек либо совершает преступление (подготовка преступления в соответствии со статьей 30 УК РФ также является преступлением) – и тогда он подлежит уголовной ответственности в соответствии со статьями Уголовного кодекса, либо не совершает его – и тогда его поступки законны и правомерны.

Сотрудник спецслужб может сообщить своему «подопечному», что, по его мнению, тот балансирует на грани совершения преступления и, если так пойдет дальше, он может оказаться на скамье подсудимых. Но для этого ему не нужно никаких дополнительных полномочий и прав.

Если же «предостережение» регламентируется законодательством, если оформляется «юридический» механизм этого предостережения, то оно неизбежно становится тем, чем на деле был Указ от 25 декабря 1972 года – орудием политического запугивания. Орудием, впрочем, малоэффективным: в большинстве известных нам случаев диссиденты просто игнорировали вынесенные им «предостережения». Скорее всего

так же будет поступать и большинство нынешних российских граждан, ибо за подобное игнорирование никакие конкретные санкции не предусмотрены – и не могут быть предусмотрены, ведь речь идет не о нарушении закона! В законопроекте упоминается, что предостережение «обязательно к исполнению», но ничего не сказано о том, что будет с теми, кто его исполнять не пожелает.

Попытка скрестить право с заведомо неправовым механизмом политической репрессии неизбежно приводит либо к разрушению права, либо к неэффективности репрессии. В данном случае, по-видимому, имеет место и то, и другое.

Мы не питаем решительно никаких иллюзий относительно судьбы этого законопроекта: нет сомнений, что 16 июля Дума одобрит его в третьем чтении. Однако у нас нет и оснований сомневаться в юридической компетентности главы государства. И мы не теряем надежды на то, что когда этот закон, частично – бессмысленный, а частично – опасный для общественной свободы, поступит на подпись к Президенту РФ, тот оценит его надлежащим образом и наложит на него вето*.

15 июля 2010 г.

* Закон, расширяющий полномочия ФСБ, 29 июля 2010 г. был подписан Президентом РФ.

О некрополе на Заячьем острове

Открытое письмо Президенту Российской Федерации Д.А.Медведеву

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Начиная с 1960-х годов при проведении земляных работ у стен Петропавловской крепости близ Головкина бастиона регулярно обнаруживались останки людей с характерными пулевыми ранениями. В годы советской власти эти находки, естественно, замалчивались. Однако предположения, что это – останки тех, кто был расстрелян в период «красного террора», высказывались уже тогда: было известно, что в годы революции и гражданской войны крепость продолжала использоваться как место заключения.

Пресса впервые заговорила об этом в 2007 году, когда при проведении очередных земляных работ на Заячьем острове было обнаружено очередное захоронение. Однако директор Музея истории Санкт-Петербурга, в чьем ведении находится Петропавловская крепость, категорически отказался проводить комплексное археологическое обследование территории – для этого пришлось бы приостановить строительство запланированной Музеем коммерческой автостоянки.

В декабре 2009 года, при строительстве автотрассы, ведущей к стоянке, в районе Головкина бастиона вновь было обнаружено захоронение. В братской могиле, на которую наткнулись экскаваторщики, находились останки около двух десятков человек. На этот раз археологическое обследование все-таки началось. В течение июня–августа на территории, прилегающей к бастиону, было обнаружено еще несколько могильных ям, в которых было захоронено, по предварительным подсчетам, еще около 80 человек. Найденные при них личные вещи позволяют с высокой степенью достоверности определить время и обстоятельства казней, а в отдельных случаях даже строить обоснованные предположения о личности казненных.

Особо значимым для историков стало вскрытие и частичное обследование могильной ямы, которая содержала останки не менее 17 человек, одетых в форму юнкеров Владимирского военного училища. Известно, что юнкера-владимирцы приняли самое активное участие в антибольшевистском восстании, поднятом в Петрограде 29 октября 1917 года Всероссийским комитетом спасения родины и революции – организацией, пытавшейся объединить российскую демократию для противодействия большевистскому перевороту. Восстание было подавлено с использованием артиллерии; по данным историков, при этом погибли около 200 юнкеров, а более 70 человек пали жертвами самосуда. Погибшие были погребены в братских могилах на Преображенском кладбище (ныне – кладбище памяти жертв 9 января; могилы павших юнкеров утрачены много десятилетий назад), остальных красногвардейцы взяли под стражу. Часть юнкеров-владимирцев была отконвоирована в Петропавловскую крепость, где, по свидетельствам современников, около 20 из них были расстреляны у стен крепости. Очевидно, именно их останки и найдены летом 2010 года.

Таким образом, тайный некрополь на Заячьем острове становится знаковым для отечественной и мировой истории XX века: он включает в себя захоронение, где покоятся люди, первыми выступившие в защиту российской свободы и ставшие первыми жертвами коммунистического террора.

История расстрелов у стен Петропавловки не сводится к казни группы пленных юнкеров; согласно ряду мемуарных свидетельств, подтверждаемых ныне археологическими данными, эта история включает в себя и казни заложников осенью 1918 года, и расстрел великих князей дома Романовых в январе 1919-го, и ряд других драматических эпизодов. Очевидно, что в 1918–1920 годах, а быть может, и позднее, окрестности Петропавловской крепости, наряду с Ковалевским лесом (4-й километр Рябовского шоссе), использовались как один из основных расстрельных полигонов Петроградской ЧК.

Первая фаза исследований на Заячьем острове – археологическое обследование участка, примыкающего к левому фасу Головкина бастиона, – завершилась в августе. Неожиданно большое число находок, научная ценность этих находок требуют их тщательного изучения. Необходимо также обеспечить

возобновление археологических исследований в полевом сезоне 2011 года.

Однако средства, отпущенные Музеем истории Санкт-Петербурга на поисковые работы, кончаются; руководство Музея обращалось по этому поводу к городским властям и в Министерство культуры РФ, но конструктивного ответа не получило. Статус исследований, их техническая оснащенность и возможности исследователей далеко не соответствуют значению события. Группа археологов, приглашенная Музеем, не наделена полномочиями, дающими ей право выступать от имени ведущих археологических научных центров; экспедиция не обеспечена в должной мере помещением для хранения находок и камеральной работы с ними. Судебно-медицинская экспертиза, в которую включились ведущие специалисты Петербурга, вообще была организована «на волонтерских началах» (что исключает возможность применения высокотехнологичных, но затратных методов идентификации, необходимых в данном случае). Попросту говоря, исследователи работали на птичьих правах.

А 29 сентября на заседании рабочей группы, созданной в связи с обнаружением массового захоронения на Заячьем острове, директор Музея объявил, что никаких дальнейших раскопок вообще не будет и что он запрещает сотрудникам Музея тратить свое рабочее время на архивные и прочие изыскания, связанные с расстрелами у стен Петропавловки.

Ситуация, сложившаяся вокруг некрополя, обнаруженного на Заячьем острове, требует немедленного и энергичного вмешательства федеральной власти.

Необходимо срочно легитимизировать исследования и придать им статус, соответствующий их значению.

Необходимо срочно обеспечить сохранность находок 2007–2010 годов.

Необходимо издать официальное распоряжение о проведении судебно-медицинской экспертизы останков и предметов, обнаруженных в могильных ямах.

Необходимо обеспечить финансирование как камеральных, так и дальнейших полевых работ, продолжить и завершить всестороннее обследование территории, прилегающей к уже выявленной части захоронения.

Необходимо провести архивные изыскания, чтобы документировать историю захоронения.

Необходимо продумать вопрос о мемориализации обнаруженного некрополя, с учетом общеноциональной исторической значимости этого места и связанных с ним событий.

Чтобы осуществить названные задачи, необходимо безотлагательно создать специальную комиссию по изучению тайного некрополя на Заячьем острове, включающую в себя как специалистов (историков, археологов, криминалистов, судебных медиков), так и представителей городских и федеральных властей, а также общественных организаций. Ввиду чрезвычайной важности открытия, о котором идет речь, его значения для национальной памяти такая комиссия должна быть создана распоряжением Президента России.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

В своем прошлогоднем Интернет-обращении в День памяти жертв репрессий Вы высказали важную мысль о том, что память о государственном терроре советской эпохи имеет ключевое значение для национального самосознания.

Находки у стен Петропавловской крепости предоставляют лично Вам возможность внести серьезный вклад в формирование этой памяти. Такую возможность нельзя упустить.

С уважением,
Правление Международного общества «Мемориал»

28 октября 2010 г.

Арсений Рогинский

Память о сталинизме

Доклад на конференции «История сталинизма»
Москва, 5 декабря 2008 г.

Проблемы, связанные с памятью о сталинизме в сегодняшней России, болезнены и остры. На прилавках масса просталинской литературы – художественной, публицистической, квазисторической. В социологических опросах Сталин неизменно в первой тройке «самых выдающихся деятелей всех времен». В оправдательном духе интерпретируется сталинская политика в новых учебниках истории для школы.

А рядом – безусловные достижения историков и архивистов, сотни посвященных сталинизму фундаментальных томов документов, научных статей и монографий. Но они если и оказывают влияние на массовое сознание, то слишком слабое.

Причины тому и в недостатке практических механизмов такого влияния, и в исторической политике последних лет. Но более всего – в особенностях нынешнего состояния нашей национальной исторической памяти о сталинизме.

Что я понимаю здесь под исторической памятью и что понимаю под сталинизмом?

Историческая память – это ретроспективная форма коллективного сознания, формирующая коллективную идентичность в ее отношении к значимому для этой идентичности прошлому. Она работает с прошлым, реальным или мнимым, как с материалом: отбирает факты и соответствующим образом их систематизирует, выстраивая из них то, что она готова представить как генеалогию этой идентичности.

Сталинизм – это система государственного управления, совокупность специфических политических практик сталинского руководства. На всем своем протяжении эта система, во многом эволюционировавшая, сохраняла ряд характерных черт. Но наиболее специфическая характеристика сталинизма, его родовая черта (возникшая с самого начала большевистского

правления и со смертью Сталина не исчезнувшая) – это террор как универсальный инструмент решения любых политических и социальных задач. Именно государственное насилие, террор обеспечивал и возможность централизации управления, и разрыв горизонтальных связей, и высокую вертикальную мобильность, и жесткость внедрения идеологии при легкости ее модификации, и большую армию субъектов рабского труда, и многое другое.

Отсюда память о сталинизме – это прежде всего память о государственном терроре как о системообразующем факторе эпохи, а также о его связи с разнообразными процессами и событиями того времени.

Но такова ли память о сталинизме в современной России?

Скажу несколько слов о ключевых свойствах этой сегодняшней памяти.

Первое. Память о сталинизме в России – это почти всегда память о жертвах. О жертвах, но не о преступлении. В качестве памяти о преступлении она не отрефлексирована, на этот счет консенсуса нет.

Дело в немалой степени в том, что в правовом смысле массовому сознанию не на что опереться. Нет никакого государственного правового акта, в котором государственный террор был бы назван преступлением. Двух строк в преамбуле к закону 1991 года о реабилитации жертв явно недостаточно. Нет и вызывающих хоть частичное доверие отдельных судебных решений – никаких судебных процессов против участников сталинского террора в новой России не было, ни одного.

Но причины не только в этом.

Любое освоение исторических трагедий массовым сознанием базируется на распределении ролей между Добром и Злом и отождествлении себя с одной из ролей. Легче всего отождествить себя с Добром, то есть с невинной жертвой или, еще лучше, с героической борьбой против Зла. (Кстати, именно поэтому у наших восточноевропейских соседей, от Украины до Польши и Прибалтики, нет таких тяжких проблем с освоением советского периода истории, как в России – они идентифицируют себя с жертвами или борцами, или с теми и другими одновременно; другой вопрос, всегда ли это отождествление находится в согласии с историческим знанием – но мы не о

знания говорим, а о памяти.) Можно даже отождествить себя со Злом, как это сделали немцы (не без помощи со стороны), — с тем, чтобы от этого Зла отмежеваться: «да, это, к несчастью, были мы — но теперь мы не такие и никогда больше такими не будем».

А что делать нам, живущим в России?

В советском терроре крайне сложно разделить палачей и жертв. Например, секретари обкомов, в августе 37-го они все как один — члены «троек» и пачками подписывают расстрельные приговоры, а к ноябрю 38-го половина из них уже сама расстреляна.

В национальной и, в особенности, региональной памяти условные «палачи» (например, те же секретари обкомов 37-го года) остались отнюдь не одномерными злодеями: да, он подписывал документы о расстрелах, но он же организовывал строительство детских садиков и больниц и лично ходил по рабочим столовым снимать пробу с пищи, а дальнейшая его судьба и вовсе вызывает сочувствие.

И еще одно: в отличие от нацистов, которые в основном убивали «чужих» — поляков, русских, наконец, немецких евреев (тоже ведь не совсем «своих»), мы убивали в основном своих, и сознание отказывается принимать этот факт.

В памяти о терроре мы не в состоянии распределить главные роли, не в состоянии расставить по местам местоимения «мы» и «они». Эта невозможность отчуждения Зла и является главным препятствием к формированию полноценной памяти о терроре. Она усугубляет ее травматический характер, становится одной из главных причин вытеснения ее на периферию исторической памяти.

Второе. На определенном уровне, на уровне личных воспоминаний — это **ухудшающая память**. Свидетели еще есть, но это последние свидетели, и они уходят, а вместе с ними уходит и память как личное воспоминание и личное переживание.

С этим вторым связано и третье.

На смену памяти-воспоминанию приходит память как набор коллективных образов прошлого, формируемых уже не личными и даже не семейными воспоминаниями, а различными социально-культурными механизмами. Не последним из этих

механизмов является **историческая политика**, целенаправленные усилия политической элиты по формированию устраивающего ее образа прошлого. Такого рода усилия мы наблюдаем уже с 1990-х годов, когда политическая власть принялась искать обоснования собственной легитимности в прошлом. Но если власть ощущала дефицит легитимности, то население после распада СССР ощущало дефицит идентичности. При этом и власть, и население искали способ восполнить свои дефициты в образе Великой России, наследником которой является Россия нынешняя. Те образы «светлого прошлого», которые предлагались властью в 90-е годы — Столыпин, Петр Первый и т.д. — не были восприняты населением: слишком это далеко и слишком мало связано с сегодняшним днем. Постепенно и подспудно концепция Великой России прирастала советским периодом, в частности — сталинской эпохой.

Пост-ельцинское руководство страны уловило эту готовность к очередной реконструкции прошлого и в полной мере ее использовало. Я не хочу сказать, что власть 2000-х намеревалась реабилитировать Сталина — она всего лишь хотела предложить своим согражданам идею великой страны, которая в любые эпохи остается великой и с честью выходит изо всех испытаний. Образ счастливого и славного прошлого был нужен ей для консолидации населения, для восстановления непрекращаемости авторитета государственной власти, для укрепления собственной «вертикали» и т.д. Но, независимо от этих намерений, на фоне вновь возникшей панорамы великой державы, сегодня, как и прежде, «окруженной кольцом врагов», пропал усатый профиль великого вождя. Этот результат был неизбежным и закономерным.

Два образа эпохи Сталина вступили в жестко конкурентные отношения друг с другом: образ **сталинизма**, т.е. образ преступного режима, на совести которого десятилетия государственного террора, и образ эпохи славных побед и великих свершений. И, конечно, в первую очередь образ главной победы — Победы в Великой Отечественной войне.

Четвертое. Память о сталинизме и Память о войне. Память о войне стала той несущей конструкцией, на которой была переорганизована национальная самоидентификация. На эту тему много написано. Отмечу только одно: то, что сегодня называют

памятью о войне, не вполне соответствует названию. Память о тяготах войны, о ее повседневности, о 41-м году, о плене, эвакуации, о жертвах войны, эта память в хрущевскую эпоху была резко антисталинской. В то время она органично сплеталась с памятью о терроре. Сегодня память о войне подменена памятью о Победе. Подмена началась в середине 60-х. Одновременно с конца 60-х вновь оказалась — на целых двадцать лет! — под запретом память о терроре. Завершилась же подмена только теперь, когда фронтовиков почти не осталось и корректировать коллективный стереотип личными воспоминаниями некому.

Память о Победе без памяти о цене Победы, конечно, не может быть антисталинской. И поэтому она плохо совмещается с памятью о терроре. Если сильно упростить, то этот конфликт памятей выглядит примерно так. Если государственный террор был преступлением, то кто преступник? Государство? Стоявший во главе его Сталин? Но ведь мы победили в войне с Абсолютным Злом, и, стало быть, мы были не подданными преступного режима, а великой страной, олицетворением всего доброго, что есть в мире. Именно под водительством Сталина мы одолели Гитлера. Победа — это эпоха Сталина, и террор — это эпоха Сталина. Примирить эти два образа прошлого невозможно, если только не вытеснить один из них или, по крайней мере, не внести в него серьезные коррективы.

Так и произошло — память о терроре отступила. Она не все исчезла, но оказалась оттесненной на периферию массового сознания.

В этих обстоятельствах удивительно, что память о терроре вообще осталась хоть в каком-то виде, что она не превратилась в Великое Национальное Табу, что она все-таки существует и развивается.

Беглому обзору механизмов и институций, которые формируют эту память, я и намерен посвятить оставшееся время.

Первым и самым наглядным свидетельством памяти об исторических событиях являются **памятники**, посвященные этим событиям.

Вопреки распространенному мнению, памятников и памятных знаков, напоминающих о сталинском терроре, в России немало — не менее 800. Устанавливаются они не централизо-

ванно, а энергией общественности и местных администраций. Федеральная власть практически не участвует в мемориализации памяти о терроре. Это не воспринимается ею как приоритетная государственная задача. Какую-то роль, вероятно, играет также желание уклониться от дополнительной легитимации болезненной темы.

Все эти скульптуры, часовенки, кресты, закладные камни увековечивают Память о жертвах. Но в этой памяти нет образа преступления, нет и преступников. **Есть жертвы — то ли стихийного бедствия, то ли какой-то иной катастрофы, источники и смысл которой остаются массовому сознанию непостижими.**

В городах большинство этих памятников и памятных знаков стоят не на центральных площадях, а в отдаленных местах, там, где покоятся останки расстрелянных. При этом многие центральные улицы по-прежнему носят имена людей, прямо или косвенно к террору причастных. Совмещение сегодняшней городской топонимики, унаследованной от советской эпохи, и памяти о жертвах, унесенной на окраины, — вот наглядный образ состояния исторической памяти о сталинизме в России.

Книги памяти — одна из опорных точек памяти о сталинизме. Эти книги, издающиеся в большинстве регионов России, образуют сегодня библиотеку объемом почти в 300 томов. В них содержится в общей сложности более полутора миллионов имен казненных, приговоренных к лагерным срокам, депортированных. Это серьезное достижение, особенно если вспомнить сложности доступа ко многим нашим архивам, хранящим материалы о терроре.

Однако эти книги почти не формируют национальную память. Во-первых, это региональные книги, содержание каждой из которых по отдельности является собой не образ национальной катастрофы, а скорее картину «местной» беды. С региональной раздробленностью корреспондирует методологический разнобой: у каждой Книги памяти свои источники, свои принципы отбора, свой объем и формат представления биографических данных. Причина этому — отсутствие единой государственной программы выпуска Книг памяти. Федеральная власть и здесь уклоняется от своего долга.

Во-вторых, это почти не публичная память: книги выходят крошечными тиражами и не всегда попадают даже в региональные библиотеки.

Сейчас «Мемориал» разместил в Интернете базу данных, которая объединяет данные Книг памяти, пополненные некоторыми данными МВД России, а также самого «Мемориала». Здесь более 2 миллионов 700 тысяч имен. В сравнении с масштабами советского террора это очень мало, на составление полного списка, если работа будет продолжаться такими темпами, уйдет еще несколько десятилетий.

Музей. И здесь дела обстоят не так скверно, как можно было бы ожидать. Конечно, в России по-прежнему нет общегосударственного Музея государственного террора, который мог бы сыграть важную роль в формировании образа террора в массовом сознании. Местных музеев, для которых тема террора была бы основной, меньше десяти. И все-таки, по нашим данным, тема террора присутствует изредка в экспозициях, а в основном в фондах около 300 музеев, разбросанных по всей стране (это главным образом районные и городские краеведческие музеи). Однако общие проблемы памяти о терроре сказываются и здесь. В экспозициях тема лагерей и трудпоселков чаще всего растворена в сюжетах, посвященных индустриализации района, а собственно репрессии – аресты, приговоры, расстрелы – в биографических стендах и витринах. В целом террор представлен крайне фрагментарно и лишь условно вписан в историю страны.

Места памяти, связанные с террором. Сегодня это в первую очередь места захоронений: массовые захоронения расстрелянных в период Большого террора и крупные лагерные кладбища. Но тайна, окутывавшая расстрелы, была столь велика, столь мало источников на эту тему удалось обнаружить, что сейчас нам известно лишь около 100 мест захоронений расстрелянных в 1937–1938 годах – по нашим подсчетам, меньше трети от общего числа. Пример: несмотря на многолетние усилия поисковых групп, не удается найти даже захоронения жертв знаменитых «кашкетинских расстрелов» около Кирпично-го завода под Воркутой. Что же до лагерных кладбищ, то мы знаем лишь считанные десятки из нескольких тысяч когда-то существовавших.

В любом случае кладбища – это опять-таки память о жертвах.

Местами памяти не становятся объекты инфраструктуры террора в городах – сохранившиеся здания областных и районных управлений ОГПУ–НКВД, здания тюрем, лагерные управления. Местами памяти почти не становятся объекты промышленности,озведенные трудом политзаключенных, – каналы, железные дороги, шахты, заводы, комбинаты, дома. Очень просто было бы превратить их в «места памяти», – достаточно всего лишь повесить мемориальную доску у проходной завода или на железнодорожной станции.

Еще один канал снабжения массового сознания историческими концепциями и образами – **культура** в наиболее массовых формах бытования, прежде всего телевидение. Телевизионные передачи, посвященные сталинской эпохе, довольно многочисленны и разнообразны, и гламурный просталинский китч вроде сериала «Сталин-life» конкурирует на равных с талантливыми и вполне добросовестными экranизациями Шаламова и Солженицына. Телезритель может выбирать предпочтительные для него способы прочтения эпохи. Увы, судя по всему, доля тех, кто выбирает «Сталин-life» растет, а тех, кто выбирает Шаламова – падает. Естественно: зритель, чье актуальное мировоззрение формируют антизападная риторика и бесконечные заклинания телевизионных политологов о великой стране, которая со всех сторон окружена врагами, а внутри подрывается «пятой колонной», не нуждается в подсказках, чтобы выбрать для себя тот образ прошлого, который лучше всего соответствует этому мировоззрению. И никакими Шаламовыми–Солженицынами его не сбьешь.

Наконец, едва ли не самый важный институт конструирования коллективных представлений о прошлом – **школьный курс истории**. Здесь (а также в значительной части публицистических и документальных телепередач) государственная историческая политика, в отличие от многоного, о чем говорилось выше, вполне активна. Ее характер, впрочем, заставляет задуматься над тем, что пассивность по отношению к исторической памяти не столь опасна, как использование истории в качестве инструмента политики.

В новых учебниках истории присутствует тема сталинизма как системного явления. Казалось бы, достижение. Но террор выступает там в качестве исторически детерминированного и безальтернативного инструмента решения государственных задач. Эта концепция не исключает сочувствия к жертвам Молоха истории, но категорически не допускает постановки вопроса о преступном характере террора и о субъекте этого преступления.

Это не результат установки на идеализацию Сталина. Это естественное побочное следствие решения совсем другой задачи – утверждения идеи заведомой правоты государственной власти. Власть выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые выше интересов человека и общества, выше морали и права. Государство право всегда, по крайней мере, до тех пор, пока справляется со своими врагами. Эта мысль пронизывает новые учебные пособия от начала и до конца, а не только там, где речь идет о репрессиях.

Итог. Как видно из всего сказанного выше, мы можем говорить о памяти раздробленной, фрагментарной, уходящей, вытесненной на периферию массового сознания. Память о сталинизме в том смысле, который мы вкладываем в эти слова, существует разве что в среде интеллигенции. Остается ли еще у этой памяти шанс стать общенациональной, какие знания и какие ценности должны быть для этого усвоены массовым сознанием, что здесь надо делать – это предмет отдельного разговора. Ясно, что необходимы совместные усилия и общества и государства. Ясно также, что историкам в этом процессе принадлежит особая роль, на них же падает и особая ответственность.

Сергей Ковалев

Речь от имени Международного общества «Мемориал» при вручении премии имени Сахарова

Страсбург, 16 декабря 2009 г.

Дамы и господа!

Позвольте мне от имени общества «Мемориал» поблагодарить Европейский парламент за высокую награду – премию имени Сахарова.

«Мемориал» воспринимает эту награду как награду не только нашей организации. Премии удостоено все правозащитное сообщество России, и даже шире – заметная часть российского общества. Вот уже сорок лет правозащитники отстаивают – сначала в Советском Союзе, а потом в России – «европейские», то есть общечеловеческие ценности. Эта борьба всегда была трагичной, теперь она все чаще оборачивается гибелью самых лучших, самых бесстрашных. Уверен, что, присуждая «Мемориалу» премию Сахарова, Европейский парламент имел в виду в первую очередь их – наших погибших друзей, соратников. Эта премия по праву принадлежит им. И первое имя, которое я должен назвать – это имя Натальи Эстемировой, сотрудницы «Мемориала», убитой этим летом в Чечне. Я не могу не назвать здесь и другие имена: адвоката Маркелова, журналистов Политковской и Бабуровой, убитых в Москве, этнолога Гиренко, застреленного в Петербурге, Фарида Бабаева, убитого в Дагестане, и многих других – этот перечень, увы, можно продолжать долго. Я прошу почтить память этих людей вставанием.

/Минута молчания/

Спасибо.

Эти люди погибли за то, чтобы Россия стала по-настоящему европейской страной, где общественная, политическая жизнь была бы основана на приоритете жизни и свободы каждого от-

дельного человека. А стало быть, они погибли и за Европу, ибо Европа без России – неполна.

Надеюсь, всем понятно, что, когда я говорю о «европейских ценностях» и «европейской политической культуре», я не вкладываю в эту терминологию решительно никакого географического содержания и никакого «европоцентризма». Ибо политическая культура, основанная на свободе и правах личности, воплощает общечеловеческую систему ценностей, равно пригодную для Европы и Африки, России и Китая.

В сегодняшнем событии все символично и взаимосвязано: и сама награда, и день ее вручения, и те, кто награждает, и те, кого награждают.

Андрей Сахаров, умерший двадцать лет назад, был выдающимся борцом за права человека и выдающимся мыслителем, выдвинувшим два фундаментально важных тезиса. Первый тезис состоял в том, что лишь преодоление политической разобщенности и вражды дает человечеству шанс на выживание и развитие, дает возможность справиться с глобальными вызовами эпохи, обеспечить всеобщий мир и прогресс на нашей планете. И второй тезис – что единственной надежной опорой для наших усилий по преодолению политической разобщенности современного мира являются права человека и, в первую очередь, интеллектуальная свобода.

Европейский Союз, парламент которого учредил эту премию еще при жизни Сахарова, – это сегодня, пожалуй, наиболее близкий прообраз объединенного человечества, о котором мечтал Андрей Дмитриевич.

В последнее время Россию и Европу все чаще противопоставляют. В России стало модно толковать об «особом российском пути», об «особой русской духовности», об «особых национальных ценностях». А в евроатлантическом мире нередки суждения о России как о «лишней» стране с уродливым политическим развитием, обусловленным ее историей, национальной психологией, – и иные умозрительные конструкции. Что можно по этому поводу сказать? Разумеется, у России, как, впрочем, и у любой другой страны, свой собственный путь к устроению жизни на общечеловеческих основаниях. Ни один народ в мире не организует свою жизнь по рецептам и схемам, целиком заимствованным извне. Но связь России и Европы вовсе не в том, кто у кого что заимствует. Вопрос

можно поставить и так: а **внесла ли Россия что-то в складывающуюся на наших глазах общеевропейскую и общечеловеческую цивилизацию?** И тут я хочу напомнить об уникальном вкладе России в духовный и политический прогресс Европы и человечества: о ключевой роли советского правозащитного движения в становлении современной политической культуры. Сахаров переосмыслил роль прав человека и интеллектуальной свободы в современном мире еще в 1968 году. А в практическую плоскость его идеи перевели правозащитные организации, созданные советскими диссидентами, – прежде всего Московская Хельсинкская группа, которую сегодня представляет здесь Людмила Алексеева. Эти организации первыми публично заявили, что громкие декларации о международной защите прав человека не могут оставаться заклинаниями. Нам удалось мобилизовать мировое общественное мнение, тогда и политическая элита Запада была вынуждена отойти от традиционного pragmatизма. Разумеется, это развитие породило и множество новых проблем, до конца еще не разрешенных: пример – доктрина «гуманитарного вмешательства». За последние тридцать лет сделано немало, но предстоит сделать намного больше. У истоков этого процесса стояли российские правозащитники 1970-х, и потому ни нынешняя российская власть, ни те европейские политики, которые считают Россию «лишней страной», не могут вычеркнуть Россию из списка европейских стран.

В России последней трети XX столетия, как нигде больше, правозащитное движение стало синонимом гражданственности, а российская правозащитная мысль сумела развиться до сахаровских глобальных обобщений и приобрести качество новой политической философии. Это связано с уникальностью трагической российской истории XX века, с необходимостью осмыслить и преодолеть кровавое и грязное прошлое. Если толчком к послевоенной политической модернизации Западной Европы была Вторая мировая война, ставшая логическим завершением сравнительно недолгого господства нацистского режима в Германии, то для СССР и России необходимость переустройства диктовалась опытом семидесяти лет господства коммунистического режима, кульминацией которого была сталинская террористическая диктатура. Двумя основными составляющими возрождающейся российской гражданствен-

ности стали правовое сознание и историческая память. Правозащитное движение с самого начала позиционировало себя в первую очередь как движение за преодоление сталинизма в жизни страны. В одном из первых публичных текстов этого движения – листовке организаторов исторического митинга 5 декабря 1965 года в защиту права – об этом было сказано предельно просто и лаконично: «*Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем*».

В сущности, эта особенная связь двух компонент гражданского сознания – правового мышления и исторической памяти – в полной мере унаследована современным правозащитным сообществом России, да и российским гражданским обществом в целом.

Думаю, что первостепенное значение, которое Сахаров придавал «Мемориалу» в последние годы и месяцы своей жизни, связано с тем, что он отчетливо понимал эту специфику. В деятельности «Мемориала» эти две базовые составляющие российской гражданственности слиты воедино.

Мне кажется, что и теперь, в двадцатую годовщину смерти Сахарова, депутаты Европейского парламента, выбирая лауреата, также почувствовали и поняли эту специфику. Мы все помним о принятой в апреле резолюции Европарламента «О европейском сознании и тоталитаризме». Эта резолюция, также, как и последовавшая за нею июльская резолюция ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы», доказывает, что объединенная Европа понимает смысл и пафос нашей работы. «Мемориал» глубоко благодарен вам за это понимание. Абсурдность нынешней политической ситуации в России прекрасно иллюстрируется тем обстоятельством, что наш собственный парламент – парламент страны, больше и дальше всех страдавшей от сталинизма и коммунистической диктатуры, – вместо того, чтобы горячо поддержать эти резолюции, немедленно объявил их «антироссийскими»!

Все это показывает, что и по сей день сталинизм для России – отнюдь не эпизод XX столетия. Несколько лет сумбурной и неполной политической свободы были нами упущены. Жива главная черта коммунистического тоталитаризма – отношение к людям как к расходному материалу.

Цели государственной политики по-прежнему определяются независимо от мнения и интересов граждан страны.

Именно с этим связано установление в сегодняшней России режима «имитационной демократии». Имитируются решительно все институты современной демократии: многопартийная система, парламентские выборы, разделение властей, независимая судебная система, независимое телевидение и т.д. Но подобная имитация под именем «социалистической демократии» существовала и при Сталине.

Только сегодня для имитации не нужен массовый террор: достаточно сохранившихся со сталинских времен стереотипов общественного сознания и поведения.

Впрочем, при необходимости используется и террор. За последние десять лет в Чеченской Республике «исчезли» – то есть были похищены, подвергнуты пыткам, бессудно казнены и невесть где захоронены – свыше трех тысяч человек. Эти преступления творили сначала представители федеральной власти, потом передали эту «работу» местным силовым структурам.

Сколько российских силовиков наказаны за эти преступления? Считанные единицы. Кто обеспечивал их привлечение к ответственности? В первую очередь, правозащитница Наталья Эстемирова, журналист Анна Политковская, адвокат Станислав Маркелов. Где они все? Убиты.

Мы видим, что насилие, ставшее в Чечне повседневностью, выходит за ее пределы и распространяется на всю страну.

Но и в этих обстоятельствах находятся люди, готовые противостоять возвращению прошлого. И это основание для надежды. Все мы понимаем, что никто не вернет Россию на путь свободы и демократии, кроме самой России, ее народа, ее гражданского общества.

Да и ситуация в нашей стране не столь безнадежна, как может показаться поверхностному наблюдателю. У нас немало союзников в обществе – в борьбе за права человека, в борьбе со сталинизмом.

Чего мы при этом можем ждать от европейских политиков, от европейского общественного мнения? Андрей Дмитриевич Сахаров сформулировал эти ожидания больше двадцати лет назад: «*Моя страна нуждается в поддержке и давлении*».

Объединенная Европа имеет возможности для такой твердой и, одновременно, дружественной политики, основанной на поддержке и давлении, но использует их далеко не в полной мере. Приведу лишь два примера.

Первый – работа Европейского суда по правам человека с жалобами от граждан России. Сама возможность обращения потерпевших в Страсбург должна вынудить российские суды работать квалифицированно и независимо. А главное – исполнение решений Европейского суда должно устранять причины, приведшие к нарушению прав человека.

За последние годы в Страсбурге вынесено более ста решений по «чеченским» делам, по тяжким преступлениям представителей государства против граждан. И что же? А ничего. Россия исправно выплачивает потерпевшим присужденные Европейским судом компенсации как некий «налог на безнаказанность», отказываясь от расследования преступлений и наказания виновных. А все генералы, названные поименно в страсбургских решениях, отправлены не под суд, а на повышение.

И что же Комитет министров Совета Европы, призванный следить за исполнением решений суда? В Страсбурге разводят руками: «Что мы можем сделать?» – и молчат.

Второй, более общий пример – отношения России и Европейского Союза в области прав человека. Сегодня они фактически сводятся к тому, что Евросоюз раз в полгода проводит консультации с Россией по этой тематике. Как используется эта возможность? Чиновники не самого высокого ранга говорят несколько часов за закрытыми дверями (Европа спрашивает про Чечню, Россия отвечает вопросами про Эстонию или Латвию) и расходятся еще на полгода. Неправительственные организации, российские и международные, проводят параллельные мероприятия, слушания, представляют доклады. Представители Брюсселя на встречах с правозащитниками сощрущенно вздыхают: «Что мы можем сделать?» – и молчат.

Так что же должна делать Европа по отношению к России? С нашей точки зрения ответ прост: она должна относиться к России так же, как к любой другой европейской стране, которая приняла на себя определенные обязательства и несет ответственность за их исполнение. Увы, сегодня Европа все реже формулирует свои рекомендации России в области демократии и прав человека, предпочитая иногда и вовсе не вспоминать о них. Неважно, что тому причиной – ощущение бесплодности усилий или прагматические соображения, связанные с нефтью и газом.

Долг Европы – не молчать, а вновь и вновь повторять, напоминать, уважительно и твердо настаивать на исполнении Россией своих обязательств. Разумеется, нет не только гарантий, но и особых надежд на то, что эти призывы достигнут цели. Однако, если не напоминать, – это точно будет воспринято российскими властями как индульгенция. Снятие острых вопросов с повестки дня вредит России. Но оно в неменьшей степени вредит и Европе, ибо возникают сомнения в приверженности европейских институтов европейским ценностям.

Премия, которой вы нас сегодня награждаете, называется «За свободу мысли».

Казалось бы – как может быть несвободной мысль, кто и как может ограничить ее свободу? Способ есть – это страх, который становится частью личности человека и заставляет его думать и даже чувствовать так, как от него хотят. Люди не просто боятся, они находят выход в том, чтобы «полюбить Большого Брата», как описал Джордж Оруэлл в романе «1984». Так было, когда в России был Сталин, так было, когда в Германии был Гитлер. Это сейчас повторяется в Чечне, при Рамзане Кадырове. Этот страх может распространяться по всей России.

Но что же может противостоять страху? Как ни парадоксально, только и исключительно свобода мысли. Это качество, которым в необыкновенной степени обладал Андрей Дмитриевич Сахаров, делало его неуязвимым для страха. А глядя на него, освобождались от страха и другие.

Свобода мысли – основа всех других свобод.

Поэтому для премии имени Андрея Сахарова так уместно название «За свободу мысли». Мы горды тем, что сегодня получаем ее.

Ян Рачинский

Чтобы закрыть «катаинское дело», его надо открыть

Весной этого года появилась надежда, что вопрос о Катыни наконец перестанет омрачать российско-польские отношения.

Организовав в апреле 2010 года траурные мероприятия, посвященные 70-й годовщине расстрела польских военнопленных, правительство России еще раз подтвердило ответственность Сталина и его подручных за это преступление.

После трагической гибели самолета с польской делегацией в выступлениях президента и премьер-министра России были даны недвусмысленные оценки роли советских лидеров и высказано намерение окончательно прояснить остающиеся вопросы, связанные с катынским преступлением.

Однако время идет, и надежда снова сменяется разочарованием.

За прошедшие полгода государственными структурами не сделано решительно ничего, а усилия общественности наталкиваются на демонстративное и даже наглое противодействие этих самых структур.

А ведь после заявлений, сделанных высшими руководителями России, отказы в реабилитации казненных и рассекречивании материалов не сохраняют прежнее положение, а серьезно ухудшают ситуацию, уничтожают возникшее было доверие к России.

Понятно, что проблема не в противодействии нынешних коммунистов, всегда старающихся уйти от ответственности за преступления коммунистического режима и отрицающих даже очевидное. Их влияние, по счастью, не столь велико.

Дело в другом — либо в отсутствии у руководства страны политической воли решить проблему, либо в неумении справиться с «отвязавшейся» бюрократической машиной.

Собственно, все оставшиеся вопросы сводятся к трем пунктам:

во-первых, адекватная юридическая оценка преступления;
во-вторых, реабилитация расстрелянных;

в-третьих, рассекречивание всех материалов расследования.

При действительном желании все это могло (и должно было) быть уже давно проделано.

Если говорить о юридической оценке, то она была дана еще во время Нюрнбергского процесса — когда советская юстиция безуспешно пыталась приписать это преступление нацистам, она расценивала его как военное преступление и преступление против человечности.

Сохранившиеся документы позволяют без всяких сомнений дать однозначную юридическую квалификацию преступления и назвать виновных. Но из тех кусочков «государственной тайны», которые прокуратура выдала в ответ на запросы, стало ясно, что после 14 лет расследования виновными в убийстве многих тысяч польских военнопленных признаны исключительно руководители НКВД — хотя в материалах дела имелось решение Политбюро от 5 марта 1940 года, санкционировавшее расстрелы. Stalin и его подручные оставили автографы на преступном решении — и этот факт невозможно обойти.

Возникает естественный вопрос о качестве расследования — но обращение «Мемориала» к президенту Медведеву с просьбой инициировать проверку полноты и добросовестности расследования, проведенного Главной военной прокуратурой, оказалось переправлено... правильно, в ту же самую Главную военную прокуратуру, которая сообщила, что вполне довольна своей работой.

Этот советский метод можно совершенствовать и распространять. Например, заявление в милицию о грабеже направлять на проверку грабителям, а потом с чистой совестью отвечать, что факты не подтвердились.

Уважаемый господин президент! Если ваш генеральный прокурор не знает другого способа проверки, может быть, надо поискать ему замену? В глазах и современников, и потомков ведь не он будет выглядеть дураком...

Неуклюжие попытки Главной военной прокуратуры переложить ответственность с организаторов преступления на исполнителей — одно из главных оснований сомневаться в искренности намерений российского руководства.

Давно мог быть решен и вопрос о реабилитации казненных, здесь нет ни юридических, ни практических серьезных проблем.

Чиновниками разного уровня высказываются «прагматические» соображения о том, что якобы в случае реабилитации придется выплачивать огромные компенсации. Не будем вдаваться в обсуждение, выгодно или невыгодно жить по совести. С «прагматической» точки зрения важнее, что такие высказывания – либо лукавство, либо некомпетентность. За время действия «Закона о реабилитации жертв политических репрессий» были реабилитированы сотни тысяч советских и многие тысячи иностранных граждан, безвинно расстрелянных или отправленных в лагеря. Никогда не вставал и не мог встать вопрос о компенсациях сверх тех символических сумм, которые жестко определены в Законе. Никаких проблем для российского бюджета здесь возникнуть не может.

Главная военная прокуратура при рассмотрении заявлений о реабилитации конкретных лиц ссылается на юридические препятствия – якобы решить по существу вопрос о реабилитации расстрелянных польских граждан невозможно, так как не сохранились уголовные и иные дела, содержащие персональное решение о применении высшей меры наказания к отдельному военнопленному. (Схожая аргументация использовалась и при отказах в реабилитации семьи Романовых и расстрелянных вместе с ними – и суд такую аргументацию счел неубедительной.)

Случается, что людей осуждают за убийство при отсутствии трупов, письменных решений и каких бы то ни было доказательных следов преступления, только на основании косвенных улик – и прокуратура поддерживает обвинение в суде. Здесь налицо решение Политбюро о расстреле, документы о передаче приговоренных в ведение НКВД и о конвоировании к месту казни, проведены эксгумации и опознание останков, зафиксированы многочисленные свидетельские показания, сохранилась переписка об уничтожении улик – и все равно прокуратура испытывает душераздирающие сомнения.

Ссылка на отсутствие дел лицемерна, аморальна и – главное – противоправна.

Давно установлено, что на польских военнопленных, подлежащих расстрелу по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года, имелись только учетные дела военнопленных, которые по предложению председателя КГБ Шелепина были специально уничтожены в 1959 году из опасения, что «какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции». Преднамеренное уничтожение улик преступления не только не освобождает преступника от ответственности, но само по себе является преступлением. Фактически прокуратура отказывается от защиты прав потерпевших на основании повторного преступления против них – и тем самым защищает преступников!

Кроме того, Закон не возлагает на прокуратуру обязанность непременно «решить по существу» вопрос о реабилитации. В статье 8 прямо указано: «При отсутствии оснований для реабилитации органы прокуратуры по указанным в пункте «д» статьи 3 настоящего Закона делам составляют заключение об отказе в реабилитации, а по указанным в пунктах «а», «б», «г» и «е» статьи 3 настоящего Закона делам в случае поступления заявлений заинтересованных лиц или общественных организаций направляют эти дела с заключениями в суд в соответствии со статьей 9 настоящего Закона». Отсутствие информации у прокуратуры очевидным образом является частным случаем отсутствия оснований – и по букве Закона дело должно быть передано в суд, который и вынесет решение по совокупности имеющихся доказательств. Но попытки заставить прокуратуру исполнять Закон пока остались безуспешными.

Конечно, специально для непонятливых прокуроров можно внести в Закон поправку, которая прямо предусматривала бы в случае утраты дел – в результате умышленных действий коммунистического режима (или иных заинтересованных сторон), стихийных бедствий или событий военного времени – решение вопроса в суде.

Но этот путь нескорый – за последнее время в этот Закон внесены только изменения, ухудшающие положение жертв репрессий; поправки же другого рода много лет лежат без движения.

Впрочем, президент обладает правом законодательной инициативы и может сам обратиться в Госдуму – предложения президента обладают особой убедительностью. Может быть, президенту удастся таким образом преодолеть упрямство ГВП.

Едва ли не самое отвратительное наследие советской власти — мания секретности, сохранившаяся со сталинских времен и усугубленная всевластием бюрократии.

Собственно, это вещи взаимосвязанные — нет лучшей гарантии безнаказанности и бесконтрольности чиновников, чем секретность.

Секретным у нас может оказаться все что угодно — даже принятые в годы раннего застоя постановления Совмина о правилах прописки. В последнее время вдруг заговорили о засекреченности документов московской мэрии — как будто раньше эта засекреченность составляла какой-то секрет.

Не стану извиняться за тавтологию — она не случайна. В нашей стране секрет на секрете сидит и секретом погоняет — вопреки и закону, и рассудку.

Законом об архивном деле строго определены сроки секретности — но если вы думаете, что по истечении этих сроков документы становятся доступны исследователям, то вы человек или очень молодой, или слишком наивный. У нас ни один закон не действует сам по себе, без специальной дополнительной санкции бюрократа (и даже конституционные свободы предоставляются только по согласованию).

Если сроки секретности вышли, то прежде чем попасть к историку, документ должен пройти процедуру рассекречивания, которая в законе не прописана, но тем не менее оказывается обязательной. А поскольку она не прописана, то неизвестно, сколько она будет продолжаться и состоится ли вообще. В общем, как всегда, — умом не понять, можно только верить...

А если сроки не вышли?

Конечно, есть закон, позволяющий обжаловать действия чиновников, в том числе и засекречивание. Тем более что в Законе «О государственной тайне» в статье 8 говорится, что использование грифов секретности для засекречивания сведений, не отнесенных к государственной тайне, не допускается.

Но... тут и начинается самое интересное.

21 сентября 2004 года Главная военная прокуратура прекратила расследование «катынского дела». Известно об этом стало лишь через полгода, в марте 2005-го, и тогда же было сообщено, что из 183 томов 116 имеют гриф «секретно» или

«для служебного пользования». Засекречено оказалось и само постановление о прекращении дела.

Незаконность действий прокуратуры была очевидна — Закон РФ «О государственной тайне» прямо запрещает засекречивать сведения не только о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, но и о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами.

В Законе говорится: «Должностные лица, принявшие решения о засекречивании перечисленных сведений либо о включении их в этих целях в носители сведений, составляющих государственную тайну, несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причиненного обществу, государству и гражданам материального и морального ущерба. Граждане вправе обжаловать такие решения в суде».

И вот граждане, верящие в Закон, стали добиваться рассекречивания — сначала путем переписки.

Казалось бы, если следствие вела Главная военная прокуратура, то она и засекретила. Но в ответ на просьбу снять гриф секретности ГВП сообщила, что решение данного вопроса не входит в компетенцию прокуратуры, а «решение о наличии в материалах уголовного дела сведений, составляющих государственную тайну, приняла 22.12.2004 Межведомственная комиссия по защите государственной тайны».

Межведомственная комиссия, которую возглавляет не кто-нибудь, а глава администрации президента г-н Нарышкин, ограничилась лаконичным заявлением, что оснований для отмены решения от 22 декабря 2004 года не имеется.

После этого «Мемориалу» осталось только обратиться в суд с требованием обязать Межведомственную комиссию расsekretить постановление ГВП о прекращении «Катынского дела».

Поведение представителей комиссии в Мосгорсуде позволило понять, каких глубин может достигать у нас секретность. На подготовительные заседания в суд они являлись через раз, и из их слов невозможно было понять, существуют ли в природе решения комиссии, да и про саму комиссию возникали какие-то мучительные сомнения. Самое большее, что они смогли сказать, — что в ближайшее время, вероятно, состоится заседание, на котором эта сверхъестественная комиссия решит,

будет ли она что-то отвечать суду. Сама постановка вопроса повергала в трепет – оказывается, есть чиновники, которые могут решать, будут ли они отвечать суду. И это при том что и президент страны, и премьер-министр – юристы, и рассуждают кто про уважение к суду, кто про диктатуру закона...

В общем, в итоге судьба оказалась в какой-то мере благосклонна к суду: на четвертое подготовительное заседание вместо бессловесного представителя пришло письмо за подписью ответственного секретаря комиссии В.Дергачева (надеюсь, я тут не выдаю государственную тайну). В этом письме было всего четыре пункта, и все четыре – совершенно поразительные. Оказывается, во-первых, 22 декабря 2004 года комиссия не принимала решения о засекречивании постановления ГВП. Во-вторых, и решения об отказе в отмене своего решения комиссия тоже не принимала – это пишет тот же чиновник, который годом раньше написал об отсутствии оснований для отмены решения. В-третьих, «Межведомственная комиссия не вправе в инициативном порядке, без запроса соответствующего органа рассекречивать сведения, составляющие государственную тайну». И, наконец, в-четвертых, «Межведомственная комиссия по защите государственной тайны не является органом государственной власти, следовательно, она не может быть ответчиком по данному делу» – и поэтому рассматривайте дело без представителя комиссии.

Самый неожиданный лично для меня пункт – конечно, четвертый. Я-то грешным делом думал, что комиссия – это типичный орган государственной власти, созданный указом президента для решения государственных задач. Ах нет, оказывается, это обычная НКО. Наконец посрамлены те, кто говорит, будто в России недостаточно демократии. Ну скажите, где еще вопросы о секретности решает общественная организация?

Но к тихой радости за достижения отечественной демократии примешиваются тяжкие сомнения. Неужели Главная военная прокуратура так беззастенчиво и неуклюже врала? И еще страшнее – неужели она так врала не только нам, но и (страшно вымолвить) государственным структурам, в том числе и суду?

Ведь появилось откуда-то в решении Московского окружного военного суда от 14 октября 2008 года и в кассационном определении Верховного суда РФ от 29 января 2009 года то

же самое утверждение: «отдельным томам т. н. «Катынского» уголовного дела решением Межведомственной комиссии по защите государственной тайны от 22 декабря 2004 года присвоен гриф «совершенно секретно» в связи с нахождением в них документов со сведениями, составляющими государственную тайну».

Если г-н Дергачев пишет правду, то возникает вопрос о пересмотре этих судебных постановлений – как опирающихся на ложную информацию.

И еще неприятнее – игры чиновников в секретность довели уже до международного конфузса. Письмо г-на Дергачева, если оно правдиво, свидетельствует о некомпетентности уполномоченного РФ при Европейском суде по правам человека г-на Матюшкина, который 19 марта 2010 года в официальном ответе России Страсбургскому суду также заявил, что «22 декабря 2004 г. решением Межведомственной комиссии по защите государственной тайны 36 томам <...> присвоен гриф «совершенно секретно» в связи с тем, что в них находятся документы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну».

Тут уже налицо дезинформация международных органов!

К чести судьи Э.А.Магжановой надо отметить, что позиция МВК, изложенная в письме от 25.06.2010, не показалась ей убедительной и она направила запрос с требованием представить суду:

мотивированное решение МВК по заявлению «Мемориала»;

протокол заседания, на котором было рассмотрено указанное заявление;

регламент Межведомственной комиссии по защите государственной тайны, определяющий порядок рассмотрения заявлений о рассекречивании материалов.

Более того, судья указала в запросе, что дело приняло недопустимо затяжной характер по причине длительного исполнения судебных запросов Межведомственной комиссией и неявки в судебное заседание ее представителя, непредставления развернутого и мотивированного отзыва на заявление «Мемориала». Судья даже пригрозила штрафом в случае неявки представителя МВК!

Однако на последнее заседание 2 ноября вместо представителя МВК в суд пришло письмо от 28.10.2010, в котором опять-

таки содержались поразительные вещи. Во-первых, ответ МВК на заявление «Мемориала» не является решением. Во-вторых, у МВК вообще нет документа, определяющего порядок рассмотрения заявлений о рассекречивании материалов. В-третьих, оказывается, 22 декабря 2004 года было принято решение не о засекречивании, а о сохранении режима секретности в отношении постановления ГВП о прекращении «катынского дела». В-четвертых, наконец прямо сказано, что постановление о прекращении «катынского дела» было засекречено самой Главной военной прокуратурой. И самое интересное – отмена решения МВК о сохранении режима секретности «не повлечет за собой снятие грифа секретности с указанного Постановления». «Право рассмотреть вопрос о степени секретности указанного документа» находится в компетенции ГВП.

Остается, впрочем, неясно, станет ли постановление доступно, если ГВП вдруг решит его рассекретить, или потребуется снова согласование с МВК.

Вряд ли стоит доверять Межведомственной комиссии в ее попытках прикинуться сугубо совещательным и неформальным органом. На обложках тех томов, что передали польской стороне, стоит штамп Межведомственной комиссии – «РАССЕКРЕЧЕНО. Решение МВК № 193-РС от 22.12.2004».

Похоже, всерьез разобраться в этой истории невозможно без тщательного изучения этого самого решения № 193-РС.

Не знаю, повлияло ли на ход разбирательства заявленное на предпоследнем заседании ходатайство «Мемориала» о привлечении к процессу Федеральной службы безопасности в качестве третьего лица, но...

На последнем заседании 2 ноября 2010 года отсутствие представителя МВК и мотивированного отзыва МВК на заявление «Мемориала» судье нисколько не помешало, и речь о принудительной доставке представителя МВК в зал суда не шла.

В начале заседания судом было отказано в ходатайстве «Мемориала» об истребовании из ГВП и МВК ряда документов – постановления ГВП от 21 сентября 2004 года о прекращении «Катынского дела», экспертного заключения Федеральной службы безопасности, на основании которого Главная военная прокуратура засекретила свое постановление, и решения

МВК от 22 декабря 2004 года о сохранении режима секретности постановления ГВП.

Не очень понятно, как можно признать законными решения, не знакомясь с их текстом, – но суду это удалось.

Суд отказал также в ходатайстве «Мемориала» о привлечении Федеральной службы безопасности к участию в деле.

Вполне вероятно, что первопричина засекречивания не в постановлениях ГВП и не в решениях МВК. Очень может быть, что причиной всему – давнишние штампы «Сов. секретно», автоматически ставившиеся на любой бумажке НКВД–МГБ–КГБ. Нынешние чекисты хранят верность этим штампикам, так же как и дню рождения своей организации, и вовсе не торопятся рассекречивать даже то, что обязаны по закону.

Возможно, именно поэтому на протяжении многих лет ГВП и МВК морочили голову не только налогоплательщикам, но также государственным и международным органам. Эти дурацкие игры в термины «засекречивание» и «решение о наличии сведений, составляющих государственную тайну», это перепихивание ответственности – все это хорошо для подготовительной группы детсада, а не для чиновников, изображающих, будто делают важное государственное дело. Эти шуты в горючих пальто позорят Россию перед всем миром.

Возвращаясь к началу – эта история показывает, что мания секретности нисколько не слабеет. Секретными оказываются не только документы, которые давно должны быть общедоступными, но даже сведения о том, кто эти документы засекретил.

И суды, о необходимости доверия к которым неоднократно говорил президент Медведев, столкнувшись с секретностью, немедленно поджимают хвост...

Ни доверия, ни уважения к суду это не прибавляет.

И последнее.

От того, как будет (и будет ли) решен вопрос о «катынском деле», зависят не только российско-польские отношения. От этого в большой степени зависит доверие к нашей стране во всем мире: будут Россию воспринимать как мало изменившийся кусочек Советского Союза или как новую демократическую мировую державу.

Разумеется, «катынское дело» – казус прежде всего юридический, и в этом качестве оно легко могло бы быть решено при наличии действующего закона и независимого суда.

Но в России это упирается в главный политический вопрос, в необходимость главного политического решения. Оно только одно и нужно – решение о том, что законы должны соблюдаться независимо от мнения ведомств и чиновников и без их дополнительного разрешения.

Это решение гораздо важнее, чем все инновационные проекты вместе взятые. Не знаю только, есть ли в российской власти люди, могущие и готовые его принять.

8 ноября 2010 г.

Ситуация на Северном Кавказе в 2009 году: нарушения прав человека в ходе борьбы с терроризмом продолжаются

*Аналитическая записка Правозащитного центра
«Мемориал», переданная Д.А. Медведеву на встрече
представителей гражданских организаций
с Президентом РФ 19 мая 2010 г.*

Особенности ситуации в регионе в целом. Северный Кавказ остается одним из самых неблагополучных регионов России в области соблюдения прав человека. Хотя обстановка в разных республиках и краях Северного Кавказа заметно различается, на значительной территории Северного Кавказа действуют общие факторы, крайне отрицательно влияющие на развитие ситуации в регионе. Это:

- продолжающееся вооруженное противостояние. На Северном Кавказе российскому государству противостоит вооруженное подполье, использующее в своей борьбе террористические методы;
- российские силовые структуры, в свою очередь, в ходе борьбы с террористическим подпольем сами осуществляют политику государственного террора, в рамках которой демонстративно нарушают закон и грубо попирают права человека;
- безнаказанность за массовые преступления, совершенные представителями государства в ходе «контртеррористической операции». Так, например, не установлена судьба абсолютного большинства из примерно пяти тысяч людей, насильственно «исчезнувших» на территории Чечни, Ингушетии, Дагестана с 2000 года людей. На протяжении многих лет здесь функционировала целая система «эскаронов смерти» и секретных тюрем. Эта система, хоть и в несколько меньших масштабах, продолжает действовать и сейчас. Между тем было вынесено лишь несколько об-

винительных приговоров военным и милиционерам за похищения и убийства людей в ходе контртеррористической операции;

- коррупция, уровень которой чрезвычайно высок даже на фоне остальной России;
- произвол чиновников;
- высокий уровень безработицы;
- противоречия между сторонниками «традиционного» для Северного Кавказа ислама и относительно нового для этого региона фундаменталистского салафитского направления в исламе.

Мы сосредоточимся прежде всего на ситуации, складывающейся в регионе в связи с вооруженным противостоянием, поскольку именно в ходе осуществления контртеррористических мероприятий права человека нарушаются наиболее вопиющим образом .

Активизация деятельности террористов. За последние годы вооруженные противники Российской Федерации создали «укорененное» в ряде республик Северного Кавказа вооруженное подполье из местных жителей. К сожалению, произошло то, о чем предупреждали правозащитники: отказ от каких-либо переговоров с более умеренной и договороспособной частью сепаратистов привел к радикализации движения вооруженного сопротивления и переходу его на базу исламского фундаментализма. Теперь боевики не руководствуются внятными рациональными задачами – их целью являются либо утопические идеи построения исламского государства на Северном Кавказе, либо месть.

Жертвами терактов становятся «силовики» и чиновники, но и обычные мирные жители. Осуществляя свои операции, боевики не обращают внимания на жертвы среди мирного населения. Например, в результате теракта в Назрани 17 августа очень сильно пострадал жилой 10-подъездный дом, расположенный в непосредственной близости от здания РОВД. Десятки жильцов этого дома получили ранения различной степени тяжести (в том числе и дети в возрасте от 2 до 12 лет), одна женщина от полученных ранений скончалась.

Впрочем, нередко именно гражданское население становится объектом нападения или угроз со стороны боевиков, кото-

рые при этом руководствуются собственной трактовкой норм ислама. Некоторые социальные группы (гадалки, торгующие спиртным предприниматели, женщины легкого поведения) подвергаются систематическим нападениям со стороны боевиков. Но этим боевики не ограничиваются. 25 октября на сайте вооруженного подполья Ингушетии появилось «Обращение муджахидов» с предостережением директорам школ и учителям. Им угрожают смертной казнью за «антиисламскую пропаганду» и «антиисламские действия»: запрет ношения хиджаба в школе, размещение мальчиков и девочек за одной партой и т.п. Фундаменталистское подполье пытается воздействовать на общество, насилием диктуя ему нормы поведения. В результате подобного террора фундаменталистам частично удается достичь своих целей.

Летом 2009 года заметного возросла активность вооруженного подполья на Северном Кавказе. Резко возросло число нападений. Были осуществлены покушения на ряд должностных лиц в Ингушетии, Чечне, Дагестане. Наиболее громкое из них – атака террориста-смертника на кортеж президента Республики Ингушетия Юнус-Бека Евкурова. Президент получил тяжелые ранения, погибли сопровождавшие его люди.

С лета 2008 года, к сожалению, наблюдается устойчивый рост потерь военных и милиционеров на Северном Кавказе по сравнению с предыдущими годами¹. Так, например, летом 2006 года 83 человека погибли и 210 получили ранения, летом 2007 года – 61 человек погиб и 132 были ранены, летом 2008 года – 82 человека убиты и 169 ранены, летом 2009 года – 142 человека убиты и 280 ранены.

Таким образом, потери летом 2009 года превысили уровень трехлетней давности – периода деятельности Басаева.

Ответ властей. В поисках выхода из сложившейся ситуации власти обращаются к старым опробованным методам.

Готовясь к худшему, военные провели в июне крупномасштабные учения «Кавказ-2009», посвященные отработке отражения крупномасштабного нападения террористических

¹ Данные получены путем суммирования сообщений СМИ о потерях российских силовых структур. Естественно, это далеко не полные данные. Мы не знаем, сколько раненых вследствие скончалось от ран, не обо всех случаях подрывов и обстрелов соответствующие ведомства сообщают прессе.

группировок. Условные террористы уничтожались всеми средствами, включая бомбовые удары, массированный артиллерийский огонь и танковые атаки. При этом следует помнить, что использование подобных средств в населенной местности в предыдущие годы неизбежно вело к тяжелейшим потерям среди гражданского населения.

После крупного теракта 17 августа 2009 года в Назрани куратором всех силовых органов Ингушетии был назначен замминистра МВД РФ Аркадий Еделев, а в целях укрепления ингушской милиции объявлено об усилении временных оперативных групп, в которых служат командированные в Ингушетию сотрудники МВД из других регионов России. Между тем опыт предыдущих лет показал, что именно командированные в Ингушетию «силовики», действующие вне контроля со стороны республиканских властей, несут основную ответственность за нарушение законности в ходе проведения спецопераций.

В Чечне и Дагестане попрание прав человека со стороны силовых органов приобретает все более вопиющий и демонстративных характер.

Грубые нарушения норм законности, допускаемые в ходе контртеррористических операций, в долговременной перспективе неизбежно способствуют росту террористической активности. Поддержание мира и стабильности на Северном Кавказе неразрывно связано с соблюдением в регионе прав человека.

Похищения и незаконные задержания людей, функционирование секретных тюрем, пытки, насильтственные «исчезновения», внесудебные казни отторгают общество от власти. Не только жертвы этих незаконных действий и их родственники, но и широкие слои местного населения составляют слой недовольных, мобилизационную базу экстремистского фундаменталистского подполья. Получившая широкое распространение практика фальсификации уголовных дел опасна не только тем, что осуждают невиновных людей, но и тем, что реальные террористы остаются на свободе и продолжают свою деятельность, а заведомо ложная информация легализуется, получает официальный статус. Все это дезориентирует общество и делает неэффективной контртеррористическую деятельность.

Республика Дагестан. В Республике Дагестан в течение 2009 года возросло как число нападений на сотрудников силовых структур, так и число похищений людей «силовиками».

Ранее, до июня 2007 года, многие из похищенных жителей Дагестана бесследно исчезали. Затем, вплоть до лета 2009 года, похищенные обычно через несколько дней «обнаруживались» в каком-нибудь РОВД или следственном изоляторе. К этому моменту временно исчезнувший человек уже успевал «признаться» в совершении преступлений террористического характера. Теперь похищенных, как правило, убивают, часто маскируя убийство под гибель в ходе перестрелки. При этом на телах погибших присутствуют следы страшных избиений и пыток. Большой резонанс в республике получил похищение 23 августа пятерых молодых людей, которых похитители подвергли пыткам и намеревались убить. Двоим из них удалось бежать, а сожженные тела трех остальных были обнаружены позже.

Большинство из похищенных мужчин принадлежат к семьям, придерживающимся салафитского направления в исламе, «нетрадиционного» для Северного Кавказа. Людей, исповедующих это религиозное направление, «силовики» обычно подозревают в пособничестве или причастности к вооруженному подполью.

ПЦ «Мемориал» зафиксировал в 2009 году 18 случаев похищений людей, из которых два человека были освобождены похитителями, двое сумели убежать, восемь найдены убитыми (согласно официальной версии, большинство из них погибли в перестрелках), шестеро «исчезли». Однако необходимо иметь в виду, что мы ведем мониторинг в республике на ограниченной территории, поэтому весьма вероятно, что реальное число подобных преступлений значительно больше.

Акции протesta против практики насильтенных «исчезновений» людей в Махачкале и Дербенте летом и осенью 2009 года были жестоко разогнаны милицией.

В течение 2009 года продолжалось системное преследование людей, исповедующих нетрадиционный для этих мест ислам, со стороны республиканского МВД. Между тем такое давление ведет лишь к дальнейшей радикализации этой части населения. Проблема достигла таких масштабов, что весной 2009 года даже министр внутренних дел Дагестана Адильгерей Магомедтагиров, все эти годы руководивший республиканскими «силовиками» вплоть до своей гибели², вынужден был признать, что

² Адильгерей Магомедтагиров погиб 5 июня в Махачкале в результате покушения.

бессмысленно и контрпродуктивно преследовать и «прессовать» всех тех, кто ходит в «неправильные» мечети³.

Продолжается преследование газеты «Черновик», печатающей критические статьи о методах борьбы с терроризмом в Дагестане. Против главного редактора и четырех журналистов этого издания возбуждены уголовные дела за разжигание вражды (ст.282 УК РФ), в суде рассматривается иск о закрытии газеты как печатающей экстремистские материалы.

Республика Ингушетия. В Республике Ингушетия восемь лет правления предыдущего президента Мурата Зязикова – повальной коррупции и не пресекаемого властями произвола силовых структур – настроили значительную часть общества против государства.

Назначение Юнус-Бека Евкурова главой Ингушетии осенью 2008 года и немедленно взятый им курс на восстановление законности в республике, гласность, диалог с обществом и оппозицией были крайне обнадеживающими. Однако эта политика «торпедировалась» как со стороны боевиков, так и со стороны государственных силовых ведомств.

Несмотря на «новый курс» президента Евкурова, похищения и бесследные казни на территории Ингушетии не прекратились. По-видимому, похищения и бесследные казни совершают главным образом не ингушские милиционеры, а сотрудники ФСБ и иных силовых структур, направленные в Ингушетию из других регионов России, в том числе и из соседней Чеченской Республики.

Впрочем, в Ингушетии, в отличие от соседних республик, проблема похищений не замалчивается, а активно обсуждается на уровне президента республики. В течение 2009 года Ю.-Б.Евкуров часто встречался как с правозащитниками, так и с родителями похищенных людей и даже убитых боевиков для того, чтобы вместе с ними искать выход из сложившейся ситуации. Президент Ингушетии пытается доводить проблему до сведения руководства России. 9 июня на заседании Совета безопасности РФ в Махачкале Ю.-Б.Евкуров обсудил с Дмитрием Медведевым и министром внутренних дел РФ Рашидом Нургалиевым случай похищения весной 2009 года двух моло-

дых жителей Ингушетии. Согласно некоторым сведениям, они содержались в Чечне на базе Оперативно-розыскного бюро-2 (ОРБ-2)⁴.

Но обозначившуюся надежду на улучшение ситуации в Ингушетии поставило под сомнение покушение на Евкурова в мае 2009 года и последовавшие за ним события. Боевики, совершившие покушение 22 июня, объективно сыграли на руку «силовикам», не желающим вводить свою деятельность в рамки закона.

В период вынужденного отсутствия Евкурова в Ингушетии в связи с его ранением диалог республиканских властей и общества прекратился.

Осенью, после возвращения Евкурова в Ингушетию диалог власти с обществом был возобновлен. Президент РИ отправил в отставку правительство как не справившееся с поставленными задачами. Он внимательно выслушивает претензии граждан по поводу нарушений их прав в ходе спецопераций, его вмешательство в отдельных случаях приводит к прекращению подобных нарушений. Но, к сожалению, по-прежнему складывается впечатление, что он пока не в силах добиться системных изменений к лучшему. Единственным государственным органом, способным защитить попранные права граждан, в Ингушетии остается исключительно лично президент РИ.

Чеченская Республика. Весной 2009 года стало очевидно, что ситуация в Чеченской Республике серьезно дестабилизовалась. Эта дестабилизация была заложена всей прежней деятельностью республиканских властей и силовых структур.

⁴ Оперативно-розыскное бюро № 2 – структура МВД РФ, располагается в Грозном. В 2003–2007 годах здесь незаконно содержали и пытали подозреваемых в организованной преступности и причастности к НВФ (см. подробно <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/doc11/2c.htm>). ОРБ-2 было неподконтрольно Рамзану Кадырову. В июле 2007 года во главе ОРБ-2 был поставлен лояльный Р.Кадырову человек, произошла частичная смена персонала. Фактически эта структура стала контролироваться президентом ЧР. После этого на некоторое время ситуация там изменилась, пытки прекратились. Однако с начала 2009 года в правозащитные организации снова стали поступать сведения о жестоком обращении в ОРБ-2 с арестованными людьми. С весны 2009 года, когда на приграничных территориях Ингушетии и Чечни стали проводиться совместные операции «силовиков» из Ингушетии и Чечни, в Ингушетии начали работать сотрудники ОРБ-2. В Магасе в здании УФСБ по РИ открылось представительство ОРБ-2 в Ингушетии.

³ РИА Дагестан. 2009. 8 апреля.

В 2007 – первой половине 2008 года могло показаться, что в Чеченской Республике, пусть и ценой серьезных нарушений прав человека в предыдущие годы, достигнуты мир и стабильность. Снижалась интенсивность боестолкновений и уменьшались потери в силовых структурах, правозащитники сообщали об уменьшении случаев незаконного насилия со стороны представителей государства.

Однако летом 2009 г. наибольшие потери среди силовиков были именно в Чечне. Здесь они выросли в два раза по сравнению с летом предыдущего года (в Ингушетии – в полтора раза, в Дагестане – в четыре раза). В 2009 году в Чечне была совершена серия террористических актов, в том числе с использованием смертников.

«Чеченизация» конфликта давала заметный эффект в деле борьбы с вооруженным сопротивлением в прошлые годы. Однако очевидно, что на сегодня этот ресурс исчерпан, республиканские власти не способны выполнить обещание Рамзана Кадырова – полностью уничтожить подполье и боевиков. Более того, тоталитарный режим, основанный на насилии и страхе, сам порождает новое сопротивление. Часть молодежи вновь уходит к боевикам в горы. На подобное развитие ситуации республиканская власть реагирует крайне резко, снова делает ставку на незаконное насилие. Это насилие принимает все более широкие масштабы, осуществляется открыто и демонстративно.

Растет число похищений. В 2008 году ПЦ «Мемориал» зафиксировал в Чечне похищения 42 человек (это заведомо не исчерпывающая цифра). Из них после избиений и пыток были освобождены или выкуплены 21 человек, 4 найдены убитыми, 12 пропали без вести, 5 позже были «обнаружены» в местах содержания арестованных.

За 2009 год ПЦ «Мемориал» зафиксировал в Чечне похищения уже 96 человек. Из них после избиений и пыток были освобождены или выкуплены 58 человек, 12 найдены убитыми, 22 пропали без вести, 4 позже были «обнаружены» в местах содержания арестованных. Обстоятельства похищений указывают на причастность к совершению этих преступлений представителей государственных силовых структур.

При этом следует учитывать, что с июля по середину декабря 2009 года ПЦ «Мемориал» временно приостановил работу

своих представительств в ЧР. Кроме того, в последнее время жертвы похищений и их родственники боятся жаловаться в официальные структуры или правозащитникам, опасаясь ответных репрессий. Поэтому «Мемориал» фиксирует лишь «надводную часть айсберга» от общего числа таких преступлений. На территории ЧР властями используется практика заложничества, запрещенная международными пактами и конвенциями. В течение 2009 года продолжалась и кампания по сожжению силовиками домов родственников боевиков.

Правоохранительные органы Чеченской Республики инфильтрованы людьми, прошедшими школу насилия в рядах незаконных вооруженных формирований, людьми, которые изначально отрицают само понятие законности, считают себя вправе проводить любые «операции» любыми методами.

Установку на осуществление незаконного насилия в Чеченской Республике, в том числе совершение внесудебных казней, публично дает ее руководство. В распоряжении ПЦ «Мемориал» имеются записи подобных выступлений президента ЧР и других должностных лиц по республиканскому телевидению. В результате дело дошло до того, что в 7 июля 2009 года в центре села Ахкинчу-Борзой была совершена публичная бессудная казнь человека, подозреваемого в пособничестве боевикам.

Положение правозащитников. Важную роль в улучшении ситуации с правами человека (а следовательно, и с безопасностью в регионе) могут сыграть правозащитные организации. Между тем, в последние два года условия работы правозащитников систематически ухудшались. Активисты этих организаций сталкивались с разнообразными формами давления, включая обстрелы, поджоги, угрозы, похищения, пытки и убийства сотрудников.

Высокие должностные лица Чеченской Республики в своих публичных выступлениях в 2009 году неоднократно представляли сотрудников независимых правозащитных организаций как врагов республики и пособников террористов. Это создает в республике условия, в которых даже называться «правозащитником» становится чрезвычайно опасным, и дает сигнал к их преследованию.

15 июля в Грозном была похищена ведущая сотрудница ПЦ «Мемориал» Наталья Эстемирова. Сразу же после похищения

ее вывезли на территорию Ингушетии и расстреляли. Ряд событий, предшествовавших этому убийству, а также обстоятельства совершения самого преступления дают нам серьезные основания подозревать, что оно было организовано и осуществлено представителями государства.

После убийства Эстемировой ПЦ «Мемориал» был вынужден временно приостановить работу своих представительств в Чечне. Несмотря на это, некоторые из проживающих в Чечне сотрудников «Мемориала» столкнулись с фактами неприкрытых угроз и давления. В результате «Мемориалу» пришлось вывезти двух своих сотрудников за пределы России. Уже после гибели Натальи Эстемировой Рамзан Кадыров в интервью радио «Свобода» (8 августа) позволил себе оскорбительно высказываться в ее адрес. Чеченские власти создают вокруг «Мемориала» атмосферу крайней вражды и агрессии, стремятся выдвинуть организацию из республики. Власти оказывают систематическое давление и на местные НПО, в результате чего многие из них были вынуждены переключиться с правозащиты исключительно на социальную работу и заниматься самоцензурой.

11 августа из грозненского офиса неправительственной организации «Спасем поколение» были похищены ее руководитель Зарема Садулаева и ее муж Умар (Алик) Джабраилов. Их увезли на автомашине неизвестные вооруженные люди, не скрывавшие своих лиц и заявившие, что они «из органов». Утром тела похищенных со следами пыток и издевательств были найдены в Грозном в багажнике машины. Очевидно, что похищать людей средь бела дня, не скрывая своих лиц, открытоходить по Грозному с оружием в руках сейчас могут только сотрудники органов государственной власти.

В Дагестане в ночь на 20 августа в офисе правозащитной организации «Матери Дагестана за права человека» произошел пожар. Офис сгорел полностью: уничтожены документы организации и имущество, пришла в негодность оргтехника. Причиной пожара стал поджог.

В начале сентября в Махачкале неизвестные распространили сотни листовок, написанных якобы от имени «родственников убитых в Дагестане милиционеров». В листовках содержались угрозы убийством в адрес 250 людей, названных «пособниками незаконных вооруженных формирований». Имена или фами-

лии 16 человек были прямо названы. Это – правозащитники, адвокаты, журналисты.

25 октября в пригороде Нальчика (Кабардино-Балкарская Республика) был обстрелян автомобиль, в котором находились известный общественный деятель Ингушетии бизнесмен Макшарип Аушев и его родственница. В результате обстрела М.Аушев был убит, женщина тяжело ранена, впоследствии она скончалась.

Макшарип Аушев в 2007–2008 годах был одним из лидеров массового движения протеста против коррупции властей и нарушений прав человека в ходе контртеррористических операций в Ингушетии. После прихода к власти президента Евкурова он отошел от активного участия в публичной деятельности, оставаясь при этом авторитетной общественной фигурой.

Первоочередные шаги для изменения ситуации. С лета 2009 года руководство России демонстрирует чрезвычайную обеспокоенность всплеском терроризма в северокавказских республиках. Президент РФ в своих публичных выступлениях выделил три основные причины неэффективности борьбы с терроризмом: коррупция, клановость, неэффективность работы органов власти, особенно, силовых структур. Есть надежда, что государство наконец начнет предпринимать реальные шаги в направлении борьбы с этими явлениями. Однако Президент не захотел или не смог указать на еще один важнейший фактор, мешающий эффективной борьбе с терроризмом на Северном Кавказе, – систематические грубейшие нарушения прав человека со стороны силовых ведомств в ходе этой борьбы.

Для изменения ситуации необходимо признать, что требование соблюдения прав человека не только не противоречит целям обеспечения безопасности, но является необходимым условием ее достижения. Непременная основа стабильности – законность, для обеспечения которой необходима системная работа по соблюдению прав человека в регионах Северного Кавказа, пресечение безнаказанности «силовиков». Необходимо расследовать уголовные дела по преступлениям, связанным с нарушениями прав человека за все годы проведения «контртеррористической операции» на С.Кавказе и привлечь к ответственности виновных. Генеральной прокуратуре РФ следует провести комплексную проверку деятельности силовых

структур, работы органов прокуратуры и органов Следственного комитета при Прокуратуре РФ на Северном Кавказе. По результатам проверки необходимо провести «чистку» силовых ведомств от лиц, замешанных в серьезных нарушениях прав граждан в ходе контртеррористических мероприятий. Любая попытка воспрепятствовать работе адвоката должна немедленно пресекаться, а виновные привлекаться к ответственности. Россия должна выполнять решения Европейского суда по правам человека в полном объеме, включая и осуществление системных изменений на уровне правоприменительной и законотворческой практики, а не ограничиваться лишь выплатой денежных компенсаций пострадавшим. Наша страна должна активно сотрудничать с международными организациями по проблемам соблюдения прав человека на Северном Кавказе. Необходимо обеспечить условия для беспрепятственной работы российских и международных правозащитных организаций в регионе.

Олег Орлов, Александр Черкасов

Предисловие ко второму изданию (2010 г.) книги «Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений»

Обращаясь в 1998 году к читателю первого издания этой книги, мы говорили, что «и в России, и в Чечне обществу необходимо осмысливать трагический опыт Чеченской войны» (тогда она еще не была «первой»).

Мы говорили об опасности мифологизации прошлого и вытеснения знания мифами. На самом деле, мы имели в виду большее: сделать все, чтобы война не повторилась. Для этого, казалось, нужно совсем немного: назвать преступления – преступлениями, преступников – преступниками и добиться их наказания.

Мы – жители России и Чечни, политики и «простые люди» – мы все потерпели поражение.

И в Москве, и в Грозном в итоге победила «партия войны». Итог известен. Через три года после войны, через год после выхода нашей книги, невозможное стало неизбежным – началась «вторая чеченская».

И если общество в России и в де-факто тогда независимой Чечне не пожелало осмысливать уроки «первой чеченской», то идеологи и организаторы новой войны сделали свои выводы. Выводы, полностью противоположные нашим.

Для ненаказанных преступников жестокость не просто превратилась в норму, а осознанно внедрялась ими в практику вооруженного противостояния как важнейшее условие достижения успеха. Террористические акты раз от раза становились более кровавыми, – равно как и «контртеррористические операции». В первую войну мы писали о «фильтрационных лагерях». В ходе второй войны в Чечне действовали «эскадроны смерти» и уже целая система секретных тюрем, в которых исчезли тысячи людей. При этом руководство России сделало все, чтобы свести к минимуму поступление объективной информации из зоны «контртеррористической операции».

Эта книга посвящена событиям 1994–1996 годов. Мы затрагиваем предшествующий и последующий периоды лишь в той степени, в какой это необходимо для понимания контекста первой чеченской войны, ее места в потоке событий на Кавказе и в России в целом, – для этого во втором издании мы продлили хронику событий. Отчасти дополнены и краткие биографические справки в именном указателе, – важно понимать, каковы дальнейшие судьбы тех, кто начинал войну и участвовал в ней.

В 1998 году мы писали, что остались безнаказанными преступления «первой чеченской», совершенные обеими сторонами конфликта. Что изменилось за двенадцать лет?

Нельзя сказать, что правосудие было вовсе недостижимо, – мы дополнили Доклад краткими справками о ходе и результатах расследования дел о массовом захвате заложников.

Более двадцати участников террористического акта в Буденновске в июне 1995-го осуждены за последние годы – и это нельзя не приветствовать. Однако серьезные сомнения вызывает по крайней мере один приговор, вынесенный по этому делу: многочисленные свидетели утверждают, что осужденный И. Соколов не участвовал в теракте и вообще не был в отряде Ш. Басаева. Далее, при рассмотрении событий в Буденновске следствие и суд вовсе ушли от оценки действий федеральных силовых структур. Наконец, в отношении самого «террориста номер один» и ближайших к нему полевых командиров – А. Исмаилова, А. Абдулхаджиева, А.-С. Мовсаева – правосудие запоздало: они погибли при разных обстоятельствах, но не были арестованы и осуждены.

Это отчасти мог компенсировать показательный процесс 2001 года, на котором были осуждены двое руководителей теракта в Кизляре в январе 1996 года. Однако реальное наказание оказалось тяжелее назначенного судом: оба они умерли при странных обстоятельствах – Т.-А. Атириев вскоре после прибытия в лагерь, С. Радуев почти сразу после допроса по «делу Закаева».

Обвинения, выдвинутые российской прокуратурой в отношении Закаева, рассматривались гласно и состязательно в лондонском магистратском суде в 2003 году. В итоге было доказано, что... все обвинения фальсифицированы: отсутствовал состав или событие преступления, показания добыты под

пытками, имеет место подлог или лжесвидетельство, вскрывшееся при перекрестном допросе в суде, а события внутреннего вооруженного конфликта рассматриваются в контексте законодательства мирного времени. Главное же – в течение семи лет расследование вменяемых Закаеву преступлений не велось вообще.

Заведомо ложные показания на Закаева, а отнюдь не сведения о гибели и захоронениях пленных и заложников, пытались осенью 2006 года под пыткой получить у Р. Эльбиева, руководившего СИЗО ДГБ ЧРИ. Кроме него были осуждены еще шестеро охранников «концлагеря».

В 2001 г. были осуждены двое участников публичной казни пленных российских солдат. Список расследованных и доведенных до суда дел о военных преступлениях людей, противостоявших федеральной власти, можно продолжить. Оказывается, поиск и осуждение виновных в преступлениях пятнадцатилетней давности – задача трудная, но выполнимая, даже если они скрываются в горах, в подполье или живут по фальшивым документам.

Однако другая, не менее важная задача – поиск останков погибших заложников, пленных, пропавших без вести гражданских и военных – не только не решается, но и не была толком поставлена.

Наконец, за прошедшие годы не осужден ни один виновный в преступлениях, совершенных федеральной стороной, хотя их розыск не требует таких усилий.

И уж конечно, не шла речь об ответственности политиков, развязавших войну, или генералов, планировавших и осуществлявших военную операцию в Чечне: почти все они сделали блестящую военную карьеру, преуспели в политике или в бизнесе.

А беспамятство и безответственность сделали неизбежной «вторую чеченскую» войну. За десять лет новые преступления заслонили многое, совершенное прежде.

С 1998 года граждане России могут обращаться в Страсбург, в Европейский суд по правам человека. Страсбургский суд вынес уже более сотни решений по событиям на Северном Кавказе, однако его юрисдикция не может быть «опрокинута» в прошлое. Римский статут Международного уголовного суда Россия не подписала. Тем более призрачны перспективы соз-

дания специального трибунала, который рассмотрел бы события «первой чеченской».

Возникает вопрос: возможно ли вообще правосудие?

Мы убеждены: чтобы выйти из бесконечной войны, надо понять ее причины и истоки. Чтобы разорвать цепь ошибок и преступлений, нужно, звено за звеном, вернуться к ее началу.

Цепь насилия, преступлений и ошибок не разорвана до сих пор.

Пока преступления не наказаны, пока преступники получают за них ордена и очередные звания – надежды на мир и благополучие остаются призрачными мечтами.

И для того чтобы сделать первый шаг к миру, нужно вновь и вновь называть вещи своими именами, ошибки – ошибками, преступления – преступлениями. Поэтому мы переиздаем нашу книгу и надеемся, что она найдет своего читателя.

Содержание

1937 год и современность

Тезисы Международного общества «Мемориал»

5 апреля 2007 г. 5

О запрете Марша несогласных

Заявление Международного общества «Мемориал»

12 апреля 2007 г. 15

О «национальных образах прошлого»

(XX век и «война памяти»)

Обращение Международного общества «Мемориал»

Март 2008 г. 16

О социальной ответственности бизнеса

Обращение Международного общества «Мемориал»

к Правлению Российского союза промышленников

и предпринимателей

28 мая 2008 г. 27

О компенсации ущерба жертвам репрессий

Письмо Председателю Правительства

Российской Федерации В.В.Путину

26 июня 2008 г. 31

Государственная Дума и «моральный ущерб»

Заявление Международного общества «Мемориал»

9 июля 2008 г. 35

Секирная гора не место для многоборья

Письмо Министру по делам гражданской обороны,

чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных

бедствий С.К.Шойгу

11 июля 2008 г. 37

К процессу по делу о выставке «Запретное искусство» <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 12 мая 2009 г.	39
Финал «дела об обыске» и некоторые уроки этого дела <i>Заявление Международного общества «Мемориал», Санкт-Петербургского общества «Мемориал» и НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)</i> 14 мая 2009 г.	40
О новой Комиссии при Президенте Российской Федерации <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 22 мая 2009 г.	44
По поводу реакции руководства Федерального Собрания РФ на резолюцию Парламентской Ассамблеи ОБСЕ «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 12 июля 2009 г.	47
О преследованиях правозащитных организаций Казани <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 24 июля 2009 г.	49
<i>Сергей Ковалев</i> Урок Натальи Эстемировой Август 2009 г.	51
О надписи на станции метро «Курская» <i>Обращение Правлений Международного и Московского обществ «Мемориал» к мэру Москвы Ю.М.Лужкову</i> 30 августа 2009 г.	54
К 70-летию 17 сентября 1939 года <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 16 сентября 2009 г.	56

О деле историков-архивистов в Архангельске <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 7 октября 2009 г.	59
Уважение к памяти – на словах и на деле <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 25 декабря 2009 г.	62
О портретах Сталина к годовщине Победы <i>Заявление Международного и Московского обществ «Мемориал»</i> 2 марта 2010 г.	64
К 70-летию Катынского расстрела <i>Обращение Международного общества «Мемориал» к Президенту РФ Д.А.Медведеву</i> 5 марта 2010 г.	66
Опыт Аргентины важен для нас <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 23 апреля 2010 г.	70
Необходимо полное и гласное расследование катынского преступления <i>Обращение Международного общества «Мемориал» к Президенту РФ Д.А.Медведеву</i> 25 мая 2010 г.	72
О дополнениях к закону о ФСБ <i>Заявление Международного общества «Мемориал»</i> 15 июля 2010 г.	75
О некрополе на Заячьем острове <i>Открытое письмо Президенту РФ Д.А.Медведеву</i> 28 октября 2010 г.	78
<i>Арсений Рогинский</i> Память о сталинизме <i>Доклад на конференции «История сталинизма»</i> 5 декабря 2008 г.	82

<i>Сергей Ковалев</i> Речь от имени Международного общества «Мемориал» при вручении премии имени Сахарова <i>Страсбург, 16 декабря 2009 г.</i>	91
<i>Ян Рачинский</i> Чтобы закрыть «катынское дело», его надо открыть <i>8 ноября 2010 г.</i>	98
 Ситуация на Северном Кавказе в 2009 году: нарушения прав человека в ходе борьбы с терроризмом продолжаются <i>Аналитическая записка Правозащитного центра «Мемориал» Май 2010 г.</i>	109
 <i>Олег Орлов, Александр Черкасов</i> Предисловие ко второму изданию книги «Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений» <i>2010 г.</i>	121

Вручение «Мемориалу»
премии имени Андрея Сахарова
«За свободу мысли»

Страсбург, 16 декабря 2009 г.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.